

83 35K23

152

**ЛЕТЯЩЕЕ
ПЛАМЯ**

**К 110-летию со дня рождения
Магжана Жумабаева**

ЛЕТЯЩЕЕ ПЛАМЯ

ЖИЗНЬ И ЛИРА МАГЖАНА

**Петропавловск
2003**

83.35223 -

152

Л 4702250200
00(05)-03

ЛЕТЯЩЕЕ ПЛАМЯ

ЖИЗНЬ И ЛИРА МАГЖАНА ЖУМАБАЕВА

Редактор - составитель В. Шестериков.

г. Петропавловск,

ТОО "Издательство "Северный Казахстан" - 2003 г.

ISBN 9965-519-14-5

ББК 84(5 каз.)

523045 ПК

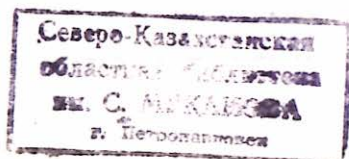
04

Сборник "Летящее пламя" посвящен жизни и творчеству выдающегося казахского поэта Магжана Жумабаева, имя которого долгое время находилось в забвении.

В издание включены повесть-поиск "Летящее пламя", стихи и проза поэта, раздел "Магжановские чтения" с краткой биографией, мыслями и афоризмами Магжана, библиографией.

В фотохронике использованы снимки из фондов областного музея, изданий "Страницы трагических судеб", "Пророк", стихи из журналов "Простор", "Дружба народов", "Нива", газеты "Северный Казахстан".

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Начиная с конца восьмидесятых годов теперь уже прошлого столетия наша областная газета “Северный Казахстан” (в то время “Ленинское знамя”) усилиями члена Союза писателей СССР Владимира Шестерикова начала активный поиск о жизни и творчестве выдающегося казахского поэта Магжана Жумабаева.

На протяжении более чем 10 лет в газете появлялись свидетельства, письма, воспоминания, документы о жизни и творчестве Магжана, а также публикации из других периодических изданий, среди которых приоритет принадлежал республиканскому журналу “Простор”, который еще в конце 60-х годов стараниями нашего выдающегося земляка и доброго друга нашей редакции писателя Ивана Шухова пытался познакомить читателей с жизнью и творчеством подвергнутого репрессиям опального поэта.

Шаг за шагом, год за годом мы пытались донести до читателей все, что доводилось узнать о Магжане. Итогом этой нашей многолетней работы и стала публицистическая повесть-поиск Владимира Шестерикова “Летящее пламя”, в которую вошли воспоминания, письма, документы, факты, свидетельства современников Магжана, находки краеведов и т.д.

Собранные воедино и пропущенные через призму личного восприятия автора, они, надеемся, помогут читателям зримо проследить полную драматизма линию судьбы поэта, причем ни в коей мере не претендуя на всеохватность и исчерпывающие сведения.

Во второй и третий разделы книги “Летящее пламя” вошли ряд стихов и проза Магжана, опубликованные в разные годы в ряде периодических изданий, а также в нашей газете.

“Магжановские чтения” - раздел, в котором читатели найдут сведения из родословной поэта, основные вехи биографии, высказывания о нем выдающихся общественных деятелей, писателей, библиографию.

Иван МООР,
директор ТОО “Издательство “Северный Казахстан”,
главный редактор областной газеты
“Северный Казахстан”

Мне степь даровала прозвание орла.
Алтай и Урал - два могучих крыла
Моих. Я любимец степного приволья,
Где вырос батыром без страха и зла.

Мой предок - гигант, коли хочешь узнать.
Мудрейшей из мудрых была моя мать.
Я - тигр молодой, я - летящее пламя.
Эй, псы! Кто сумеет меня удержать?

Дух прадеда я оживлю на века,
Ты будешь свободною, Сары-Арка.
Счастливыми вырастут, власть простирая
Над степью, потомки твои, великан.

Магжан ЖУМАБАЕВ

Владимир ШЕСТЕРИКОВ

ЛЕТЯЩЕЕ ПЛАМЯ

Повесть - поиск

С ЧЕГО НАЧИНАЛСЯ ПОИСК

Его называли казахским Пушкиным, но что-то делает его внешне похожим еще и на Сергея Есенина. То ли волны выющихся волос, только не русых, а черных, как смоль, то ли открытая, как североказахстанская степь, и словно распахнутая навстречу самой жизни искренность в глазах, только не синих и озорных, а темных, как степная ночь, и, кажется, чуть подернутых дымкой печали, что по утрам тает над войлоком юрт его родного аула. То ли по-есенински пронзительные до слез, полные глубочайшего лиризма стихи, музыка которых понятна душе, даже если не знаешь языка, на котором они написаны.

И все-таки как бы ни называли, с кем бы ни сравнивали поэта, он был и остается самим собой, неповторимым, незаурядным поэтом.

Что же касается судьбы, какая выпала на долю Магжана, трудно найти более трагическую. Большой самобытный поэт, которого по праву можно считать не просто достойным преемником Абая, но и классиком казахской поэзии, был дважды незаконно репрессирован, подвергнут унижениям, лишен права писать, подвергнут и гонению. Но на примере его судьбы еще раз убеждаешься, что великий талант не подвержен мраку забвения, что рано или поздно он, в какую бы темницу его ни заключали, подобно яркому солнечному лучу, вырвется на волю и озарит все вокруг себя ярким светом.

Стихи, которые трудно найти даже в газетных и журнальных подшивках, где все, что связано с именем Магжана Жумабаева, вырезано бритвочкой или ножницами, а тем более в вышедших при жизни, а затем изъятых из библиотек сборниках “Шолпан” (Казань, 1912 г.), “Стихи Магжана Жумабаева” (Ташкент, 1923 г.), поэмы “Жусуп-хан” (Москва, 1928 г.) и других, на протяжении десятилетий

хранились в памяти народной, передавались из уст в уста, из поколения в поколение, перекладывались на музыку, пользовались неслыханной популярностью в странах Востока.

Всего каких-то десять с лишним лет назад мы узнали о его судьбе, прочитали его впервые переведенные на русский язык творения.

Имя Магжана я впервые услышал из уст Ануарбека Шманова, занимавшего в 60-е годы, годы хрущевской “оттепели”, пост секретаря Северо-Казахстанского обкома партии и курирующего вопросы идеологии. Закончивший один из самых престижных вузов страны - Московский институт международных отношений (МИМО), в котором в то время учились многие отпрыски партийной элиты, отлично владеющий немецким языком и свободно читающий подлинники стихов Гете, он был в высшей мере демократичным человеком и обаятельнейшим собеседником; не только любил общаться, но и активно поддерживал, как мог, литераторов, художников и других представителей творческой интеллигенции, не чурался встречаться с ними ни в своем кабинете, ни за дастарханом.

Однажды на одной из наших литературных посиделок, на которые мы пригласили Анвара Нажметдиновича, из его уст мне и довелось услышать о том, что есть поэт огромного таланта, стихи которого передаются в народе из уст в уста, творения его широко известны в странах Востока, а в Турции есть памятник ему. Имя его - Магжан. В ответ на наши расспросы, почему мы ничего не знаем о нем, он ответил: “Его уже реабилитировали, а значит, скоро вы узнаете о нем. А пока запомните это имя”.

Я, участвующий в той нашей встрече, заинтересовался судьбой поэта, тем более что, как потом узнал, он родился недалеко от родных мне мест и мы с ним, как говорится, земляки в полном смысле этого слова.

От присутствующего вместе со мной на тех литературных посиделках Муталлапа Кангожина, журналиста и поэта, мне довелось услышать историю о том, какое горячее участие проявлял известный писатель Иван Шухов, чтобы вызволить из плена забвения музу Магжана.

-Я учился в Казахском государственном университете и был участником собрания, обратившегося с просьбой к правительству республики об издании произведений Магжана Жумабаева, и с нетерпением ждал, когда это произойдет. Я ведь еще в детстве слышал о Магжане в своем родном ауле и находился под очарованием его прекрасных стихов.

В том же 1965 году группа студентов во главе с профессором, доктором филологических наук Х. Махмудовым, поэтом-переводчиком Александром Жовтисом и нашим земляком, писателем Хамзой Абдуллиным проводила цикл лекций о Магжане.

Ряд стихов поэта перевели на русский язык Олжас Сулейменов и Александр Жовтис. Помимо этого, писатели и ученые намеревались познакомить читателей журнала "Простор" с творческой биографией М. Жумабаева. Главным редактором журнала в то время был наш земляк, писатель горьковской школы Иван Шухов, который с воодушевлением поддержал идею.

Студенты-филологи КазГУ днями не покидали стен редакции "Простора". Все с нетерпением ожидали очередной номер журнала с портретом Магжана. Однажды я очутился в редакции по каким-то своим делам. Вижу: навстречу идет Иван Петрович. Поздоровался. Он приветливо похлопал меня по плечу, пригласил в кабинет, где уже сидели сотрудники журнала. Все замолчали в ожидании услышать что-то важное.

-Не получилось, - сказал с досадой Шухов. - Но Магжан все равно будет издан, наступит такой день.

Всем, находящимся в кабинете, в том числе и мне, главный редактор знаменитого в то время на весь Союз журнала “Простор” подарил по портрету Магжана.

Чувство соперничества, зависть к таланту, родовые пережитки стали камнем преткновения на пути к полной реабилитации поэта в 60-е годы.

Так в истории с Магжаном получилось, что сам он был реабилитирован, а поэзия все еще была под запретом.

-А могли бы узнать о Магжане намного раньше. - говорил уже спустя время мне Муталлап. - если бы кое-кто из писательского круга не использовал свое влияние, чтобы зачеркнуть великое имя в нашей литературе, конъюнктурно спекулируя на политических взглядах поэта, который никогда ни у какой партии “не ходил в адъютантах”, как он сам выразился.

Разумеется, я заинтересовался той самой, “просторовской” фотографией, хранившейся много лет у моего друга-поэта. И попросил его принести ее к нам, в редакцию. Просьба была исполнена. Так состоялась моя незабываемая первая “встреча” с Магжаном.

Честно говоря, глянув на фотографию, я слегка оторопел, поразившись европейскому виду поэта. Бросались взору тонкие черты смуглого лица, черные с курчавинкой волосы. Скажу откровенно: наверное, именно первое впечатление от увиденного, от знаменитых слов известного русского поэта-символиста Валерия Брюсова, сказанных в адрес Магжана, и послужило названием моего первого очерка о Магжане “Его называли казахским Пушкиным”, опубликованного 25 марта 1989 года в нашей областной газете “Ленинское знамя” (ныне “Северный Казахстан”).

Но, разумеется, его появлению способствовало знакомство с первыми материалами о Магжане Жумабаеве, появившимися в журналах “Дружба народов” и “Простор”, когда все-таки было наконец снято табу с его творчества.

Замечу, что это произошло спустя почти четверть века после реабилитации поэта.

Страницы последнего в 1988 году (за пять лет до столетия Магжана) номера журнала "Дружба народов", познакомившие с письмом народного поэта Башкирии Сайфи Кудаша, адресованным в 1969 году первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаеву и первому секретарю Башкирского обкома партии М.З. Шакирову, заставили сильнее забиться читательские сердца.

“ВОЛЧОНОК СЪЕЛ ВОЛЧИЦУ”

Предваряя эту публикацию, известный писатель Казахстана Ануар Алимжанов писал:

“Три объемистых машинописных тома стихов, поэм и статей Магжана Жумабаева на протяжении многих лет тайно передаются из рук в руки, перепечатываются, заучиваются наизусть уже вторым, а то и третьим поколением казахских читателей. Его произведения популярны среди казахов Монголии, Синьцзяна, Турции. Стихи его, переложенные на музыку неизвестными композиторами, поются как народные песни. Магжан Жумабаев, как и Шакерим (1858 - 1931), Султанмахмут (1893 - 1920), относится к послебаевской плеяде талантливых поэтов Казахстана, но русскому читателю он неизвестен, и потому я уверен, что любители поэзии будут благодарны журналу “Дружба народов” за первую публикацию стихов поэта на русском языке. А о трагической судьбе поэта и о том, каков был путь к этой публикации, рассказано в письме (оно приводится ниже. - В.Ш.) народного писателя Башкирии Сайфи Кудаша, адресованном бывшему члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК КП Казахстана Д.А. Кунаеву и бывшему первому секретарю Башкирского ОК пар-

тии М.З. Шакирову еще в 1969 году. Копия этого письма в свое время попала и в мои руки.

**Из письма Сайфи Кулаша,
народного поэта Башкирии**

Это письмо вызвано тем, что в последнее время в общественном мнении Казахстана определились разные, диаметрально противоположные точки зрения на творчество и политический облик казахского поэта Магжана Жумабаева. В 1929 - 1937 гг. М. Жумабаев был дважды репрессирован. В 1960 г. реабилитирован.

В ноябре 1968 г. в Казахском университете состоялось собрание, участники которого обратились с просьбой в соответствующие организации республики издать двухтомник произведений М. Жумабаева. Однако, как мне стало известно, ЦК КП КазССР квалифицировал это собрание как политическую ошибку на том основании, что М. Жумабаев является выходцем из байской семьи, националистом, символистом, пессимистом и поэтом-мистиком. В определенной степени такая оценка затрагивает и меня, т.к. в своей книге "По следам юности" (Москва, 1968) я дважды упоминаю его имя (первый раз в связи с тем, что в 1909 -1910 гг. М. Жумабаев учился в медресе "Галия" в г. Уфе, второй раз - в связи с выходом в 1912 г. в Казани первого сборника его стихов "Шолпан").

Таким образом, с одной стороны, М. Жумабаев реабилитирован и, следовательно, общественность закономерно стремится воскресить свой интерес к его творчеству, с другой - эта реабилитация оказывается по существу неполной, лишь гражданской, но не политической (хотя в моем представлении трудно расчлениить эти моменты).

Магжан Жумабаев как писатель, а также его мировоззрение формировались в период после революции 1905 года. В то время на волне развивающегося казахского национально-революционного движения и в условиях роста казахской буржуазно-демократической культуры шел процесс становления целой плеяды казахских интеллигентов. Социальный состав, так же, как и политические взгляды этой группы деятелей культуры, литературы и просвещения, был довольно сложным. В их мировоззрении устойчивым и четким было лишь одно: страстное желание свободы, счастья и культуры своему народу.

М. Жумабаева я считал и считаю одним из наиболее своеобразных и больших мастеров стиха: в этом плане он достойный преемник Абая.

В то же время в нем, как в капле воды, отразилась вся сложность эпохи, в которой он формировался, жил, работал и трагически погиб. Любая попытка дать однозначную оценку творчеству М. Жумабаева - возвысить ли его до уровня борца-революционера или, напротив, принизить до уровня врага Советской власти и казахского народа - является вульгарной примитивизацией нашей истории и во втором случае - безответственным нигилизмом в отношении нашего культурного наследия.

Какой Магжан Жумабаев как поэт и человек? Это своеобразный, самобытный и очень талантливый поэт. Он имеет только ему присущий слог, удивительную напевность, истоки которой в глубинах народной поэзии.

В 1929 г. он был арестован. Осужденный на 10 лет, пребывает в лагерях и лесах Карелии. И здесь честно трудится, сначала учителем, затем начальником объединенной санчасти нескольких лагерей. С помощью жены получает вузовские учебники по медицине и само-

стоятельно приступает к медицинскому образованию. В 1935 г. при помощи М. Горького его освобождают. Магжан возвращается в г. Петропавловск, и на первых порах ему оказывает дружескую поддержку (в т.ч. материальную) С. Сейфуллин. В Петропавловске Жумабаев работает преподавателем в техникуме. Здесь он встречается с С. Мукановым - одним из руководителей казахстанской писательской организации - и после разговора с ним пишет заявление с просьбой принять его в Союз советских писателей. В заявлении он пишет: "От чистого сердца буду служить советской литературе". В ответ С. Муканов пишет письмо, в котором сообщает, что вопрос о принятии Жумабаева в ССП может быть рассмотрен, когда появятся новые его произведения. В том же письме сообщалось, что условия для творческой работы ему будут созданы.

Дальнейшая судьба Магжана Жумабаева очень неясна, туманна, и, я бы сказал, завершается она довольно странно. Вскоре вновь начинаются упреки и обвинения Жумабаева в старых грехах. Из техникума его увольняют как "неблагонадежного". Он идет работать в школу, но вскоре "алашордынца" выгоняют и оттуда. Он решает переехать в Алма-Ату, поближе к творческим организациям, и поступает там работать в краеведческий музей. Но оставался там недолго: не успел привыкнуть к новой работе, как его вновь увольняют. Не рассчитывая устроиться в Алма-Ате, он отправляется зав. медпунктом в один из колхозов Алма-Атинской области. Но вести о "неблагонадежности" доходят и сюда, и он лишается работы. И все это на протяжении одного-полутора лет. Не похоже ли это на чью-то злую волю? Весьма похоже. Но, несмотря на свое положение и, надо полагать, смятенное душевное состояние, он пишет стихи "Джамбулу", "Девяносто девять", "К перу моему". Только мужественный че-

ловец, уверенно избравший свой жизненный путь, мог в таких условиях создать эти произведения. Но где же они? Они были переданы руководителям Союза писателей Казахстана, но погибли где-то в недрах союза, представители которого в 1935 г. столь щедро обещали Магжану поддержку. Травля, гонения, издевательства со стороны наследников Каз. АППа принимают такие формы, что М. Жумабаев пытается покончить самоубийством и только случайно остается живым. 30 декабря 1937 года его вновь арестовывают. Аресту, по рассказам его жены, предшествовали вызовы в НКВД, глубокие раздумья Магжана и бессонные ночи, попытки по телефону о чем-то поговорить с одним впоследствии очень крупным казахским писателем - тоже бывшим алашординцем. Уходя навсегда из дома, арестованный М. Жумабаев уже у двери сказал больной жене: "Я не прощаюсь. Ведь даже сам Бог не карает дважды за один и тот же грех. Ты знаешь сама, что никакого преступления против Советской власти и казахского народа я не совершил. Однако если я не вернусь, то поймешь, что "волчонок" съел "волчицу". Запомни это!" С тех пор Магжан Жумабаев исчез навсегда. Такова была судьба "волчицы". А "волчонок"? Кем бы он ни был и как бы впоследствии ни старался еще более опорочить М. Жумабаева, в этой истории для нас ясно одно: второй арест Магжана, по крайней мере не в последнюю очередь, обусловлен тем недоверием и борьбой, которые имели место в казахской писательской среде.

Как-то в беседе один из казахских писателей сказал мне: "В те годы стоял вопрос - кто кого? Одни выиграли, другие - проиграли". Если даже есть правда в этом цинизме, я, несмотря на свои 75 лет и жизненный опыт, не могу спокойно воспринимать и вспоминать

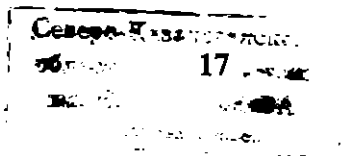
эти события. Справедливость, я уверен, в том, что М. Жумабаев должен быть реабилитирован полностью: как гражданин и как поэт.

О М. Жумабаеве я услышал от покойного профессора Исмагамбета Исмаилова в 1964 г. По его мнению, М. Жумабаев и его творчество являются поэтическим мостом между Абаем и современной казахской поэзией. Эта очень высокая оценка была дана еще Г. Ибрагимовым, который не случайно избрал эпитафией для своего классического романа "Казаика" следующие замечательные строки из стихотворения Жумабаева "Луне" (1911):

Ты видишь простор бесконечный, степной,
Как шалью покрытый беспечной травой.
Здесь горы до неба, медовые реки.
Я сын твой, отчизна, рожденный тобой.

Профессор назвал две причины, которые являются, по его мнению, препятствием к переизданию произведений Магжана. Первая - личные враги Жумабаева, оказавшиеся теперь в довольно неудобном положении. Раньше они "разоблачали" поэта, а ныне стоят перед дилеммой - или честно исправить перегибы, допущенные в прошлом, или же проявить "принципиальность", "последовательность" и настаивать на старой оценке поэта. Некоторые люди выбрали второе и свой ложно понятый престиж поставили выше престижа казахской литературы.

Другая причина сводится к тому, что разные группы писателей далеко не по творческим соображениям придерживаются различных, диаметрально противоположных точек зрения в оценке творчества Жумабаева. Я не хотел бы назвать это групповщиной: слишком неприятно само слово, но все же нечто похожее, кажется, имело и имеет место среди казахских писате-

лей. Известно, что, когда идет подспудная борьба, традиционное соперничество, в качестве предмета спора, предмета дискуссии может оказаться что угодно, даже судьба отдельных писателей. Так и случилось с Магжаном Жумабаевым. Одна группа писателей, составляющая, на мой взгляд, большинство, - за то, чтобы возродить творчество Магжана и заполнить пробел в истории казахской литературы, другая отстаивает старые позиции.

Как и у всякого писателя, у меня большая переписка. С выходом книги "По следам юности" я получил десятки писем из Казахстана: Алма-Аты, Караганды, Кустаная, Семипалатинска и др. городов. Пишут писатели, критики, просто читатели. Во многих письмах говорится о поэзии М. Жумабаева. Ни один из моих корреспондентов не сказал что-либо против творчества Магжана. Напротив, вполне отдавая отчет в сложности судьбы и творческого пути писателя, помня его ошибки, они подчеркивают богатство и зрелость поэзии Жумабаева, свежесть, несмотря на годы, многих его стихов, поразительную силу его строк об освобождении казахской женщины, воспевание свободы и т.д.

Нет, конечно, возможности и необходимости цитировать эти письма. Но они, так же, как и мои встречи со многими представителями казахской литературы и культуры, говорят о том, что возвращение поэтического творчества Жумабаева казахской и всей советской литературе - желание и стремление многих и многих людей.

“НЕ ПЕРЕСТАНУ БЛАГОДАРИТЬ ВАС”

“Есть душа, что свечу в ураган найдет!” - эти поэтические строки из стихотворения Магжана Жумабаева “Ураганная ночь” вполне можно отнести к его музе, которая, словно теплый и негаснувший огонек, согревает наши сердца.

Ту ураганную ночь, которая пришлась на судьбу Магжана, не дай Бог испытать никому.

И тем более нам дороги сегодня свидетельства тех, кто или разделил испытания, выпавшие на его долю, как, например, верный друг и жена Магжана, другие его близкие родственники, друзья, кто просто знал его, был хотя бы в какой-то мере причастен к делам, творчеству поэта.

Горячее участие по отношению к незаконно репрессированному галантливому поэту, как это уже было видно из рассказа Муталлапа Кангожина, проявлял видный советский писатель Иван Шухов. Журнал “Простор” (1989 г., № 3) сделал достоянием читателей письмо вдовы поэта, Зулейхи Жумабаевой, адресованное автору “Горькой линии” и “Пресновских страниц”, нашему земляку, которое по праву можно считать своеобразным документом времени.

Оно дает представление о недавно ушедшей из жизни верной спутнице поэта, разделившей все тяготы его судьбы, сумевшей сберечь, несмотря на долгие годы испытаний, многие прекрасные творения поэта, а главное, повесть правду о его жизни.

**Из письма Зулейхи Жумабаевой
писателю Ивану Шухову**

Многоуважаемый Иван Петрович!

Когда мне сообщили о том, что Вы, как известный

казахстанский писатель, проявляет определенный интерес к творчеству Магжсана Бекеновича Жумабаева и попросили Х.Х. Махмудова подготовить переводы на русский язык некоторых лирических стихотворений для ознакомления ваших читателей, я не выдержала - заплакала. Плакала, по-видимому, впервые за три десятилетия слезами радости. За добрую инициативу Вас поблагодарят советские люди!

Что касается меня, то уверяю: не перестану благодарить Вас до последних дней своих. В гибели Магжсана, конечно, повинны чужие нравы и произвол периода культуры личности...

Кроме того, лично я считаю, что немаловажную роль сыграла черная зависть некоторых его коллег по перу. Ведь Магжсан пользовался исключительной популярностью среди народа. "Судьбы свершится приговор", - как любил повторять Магжсан слова Лермонтова, любимого поэта. Нам нужно стремиться сделать достоянием народа магжановскую, кристально чистую и звонкую лирику:

Теперь о переводе. Х.Х. Махмудов хорошо знает и высоко ценит творчество Магжсана: я надеюсь, он и сможет сделать переводы на русский язык на должном уровне. Известно мне давно: переводить Магжсана было трудно, он - великий мастер художественного слова - до такой степени национален и своеобразен (сравните стихи Сергея Есенина), что его переводить могут лишь люди, знающие оба языка в совершенстве. Кроме того, поэтический перевод тоже, очевидно, потребует больших усилий и главное - таланта.

Мой супруг - выдающийся поэт Магжсан Жумабаев (1893-1938 гг.) является автором общеизвестных лирических стихотворений, эпических поэм и переводов произведений классиков русской и мировой литературы.

Его произведения, изданные в 1917-1937 годах, весьма популярны не только среди казахов, но и среди других тюркоязычных народов.

Его высокохудожественные, пленительные во всех отношениях лирические стихотворения - о весне, о любви, о дружбе, о красоте природы, о прекрасной человеческой жизни, о богатстве духовного мира, о светлом будущем своего народа, о свободе личности и пр. - многие читатели и почитатели его таланта знают наизусть.

Магжан Жумабаев принадлежит к числу самых образованных казахов: он прошел как медресе "Гатия" - "Высшую школу" (г. Уфа), так и Омскую учительскую семинарию и Московский литературный институт под руководством В.Я. Брюсова, который, кстати, Жумабаева называл казахским Пушкиным. Как сейчас помню: за столом президиума торжественного выпускного вечера - Клара Цеткин, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский и другие виднейшие деятели. Председательствовал В.Я. Брюсов. Магжан Жумабаев пленил Валерия Яковлевича Брюсова высокой поэтической одаренностью: "Это от природы. Плюс глубокие знания математики, музыки, изобразительного искусства..."

Все литературные критики и виднейшие писатели как до 1937 года, так и сейчас правильно считали и считают Магжана Жумабаева самым сильным, самым выдающимся поэтом в истории казахской литературы послебаевского периода. Его произведения (я уверена в том) никогда не будут вытеснены из истории казахской литературы. Магжан жил и живет фактически как поэт своего народа, его поэзия ни на секунды не прервала своей кипучей жизни.

Если мой муж даже заблуждался, то его заблуждения были аналогичными заблуждениям Сергея Есенина и Александра Блока: кстати, творчеством последнего он занимался детально, переводил его произведения,

посвящал ему свои строки и был во многих отношениях его последователем. Но он увлекался и творчеством Максима Горького, произведения которого ценит выше всего и в своем переводе впервые на казахском языке издал целую книгу (1924 год, Москва), назвав ее “Сункар жыры” - “Песня Сокола”...

Готовил М. Б. Жумабаев по заданию и под руководством В.Я. Брюсова 3 тома казахской, узбекской и туркменской народной литературы. Их тоже надо бы издать.

М.Б. Жумабаев читал лекции по казахской литературе и стилистике казахского языка студентам КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока). Кстати, среди его студентов были Ильяс Джансугуров, ныне здравствующий профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой казахской литературы КазГУ Б.К. Кенжебаев.

М.Б. Жумабаев готовил к печати конспекты этих лекций: “История казахской литературы”, “Стилистика казахского литературного языка” (два тома, которые, естественно, не утратили своей ценности до сих пор).

Когда Магжан Жумабаев был арестован в начале 30-х годов, я обратилась с письмом к Горькому (который моего мужа ценит очень высоко!). Он живо откликнулся и благодаря его вмешательству муж был освобожден из тюрьмы. 30 декабря 1937 года без предъявления каких-либо обвинений он вторично был арестован, но на этот раз М. Горького уже не было в живых...

Магжан Жумабаев 8 июля 1960 года решением военного трибунала Туркестанского военного округа был посмертно реабилитирован.

Учитывая вышеизложенное, убедительно прошу вашего содействия в разрешении издать избранные про-

изведения моего мужа, что является основной, единственной цепью всей моей жизни.

*С уважением, Зулейха ЖУМАБАЕВА.
Алма-Ата, 15 октября 1965 года.*

Не правда ли, уже по этому письму можно судить об образе верной спутницы поэта - Зулейхи, разделившей с ним все его горести и печали.

Сейчас о ней уже много написано и сказано, а эта публикация была первой, дающей представление о верной спутнице Магжана.

Говорят, что ее называли казахской декабристкой. Это подтверждали строки письма Улжан Жумабаевой, присланного в редакцию областной газеты уже спустя несколько лет после публикации того знаменитого послания Зулейхи, адресованного Ивану Петровичу Шухову.

“К Вам обращается внучка казахского поэта Магжана Жумабаева, чей 100-летний юбилей будет отмечаться в ближайшие дни, - писала Улжан. - Я выросла и по сей день живу в доме, который является “святым очагом” - очагом Магжана Жумабаева.

Репрессии и гонения 30-х годов с ним разделила его Зулейха Жумабаева, которая удочерила меня, внучку старшего брата Магжана. Это она, Зулейха, вместе с ним скиталась по всем лагерям, пытаясь облегчить его участь (об этом уже достаточно написано в печати, об этом есть фильм), это она сохранила до наших дней его рукописи.

Творения Магжана никогда не прекращали своей жизни. Его стихами в рукописях, передавая из рук в руки, зачитывались многие поколения любителей поэзии. Всем хорошо известно, что многие годы при исполнении песни “Сен слу” (“Ты красивая”) по телевидению и радио говорили: “слова народные”. Хотя многие знали, что они принадлежат Магжану и в первоначальном варианте имели приписку: “Зулейхе”. Слова песни были посвящены жене поэта.

Зулейха стала женой Магжана в 1922 году. Это был брак, основанный на любви. И с той поры она повсюду была рядом с ним: и в годы учебы, и в годы гошений и репрессий. История их совместной жизни - это история безмерной любви и бесконечной женской преданности. Верность любимому человеку она пронесла через всю свою долгую жизнь. Ее удивительная судьба нашла отражение в повести "Верность", опубликованной в журнале "Простор". Автор С. Бакенов. Там есть слова, когда-то ею сказанные: "Мой муж Магжан Жумабаев был великим казахским поэтом и прекрасным человеком. Необыкновенно талантливым и непохожим на других. Он был настолько хорош, что память о нем я никогда и ничем не запяtnаю. У меня сохранились его стихи. Среди них есть посвященные лично мне. Он как бы и сегодня разговаривает со мной...".

Улжан пишет и о таком неизвестном ранее нам факте, как арест Магжана в 1918 году, когда он отбывал срок в Омской городской тюрьме. Спасся чудом. "Революция неизвестным мечом карала и по необъяснимым причинам миловала", - замечает она.

Второй арест - в 1929 году. Сначала Магжан был заключен в Бутырку. Затем сослан в лагерь. В тот же год, получив на Лубянке разрешение на свидание, в леса Карелии, на станцию "Майкопа" отправилась следом Зулейха. "Увидев Магжана в одежде заключенного, я горько заплакала, - вспоминала она. - Сердце разрывалось от боли. "За что?" - спрашивала я. И не находила ответа. Здесь, в лагере, как оказалось, вместе с Магжаном срок наказания отбывал старший брат Якуба Дулатова Мир, весьма преклонных лет человек. Надолго запомнила последние слова, сказанные им: "Эх, Зулейха, видно, ты последняя казахская женщина, которую мне доводится видеть". Он не выдержал тягот тюремной жизни". Из лагеря с письмом от Магжана,

написанным Максиму Горькому. Зулейха поехала в Москву в Союз писателей СССР. Горький принял ее, выслушал и направил в Международный Красный Крест к Екатерине Пешковой. И Пешкова оказала содействие. Срок заключения был сокращен с 10 до 7 лет. В одной из таких поездок Зулейха едва не погибла. Место заключения постоянно менялось и частенько приходилось метаться по незнакомым местам от одного населенного пункта к другому. И когда измученная, со сбитыми до крови ногами, с трудом нашла она место расположения лагеря, Магжан сказал ей слова, которые согревали ее все последующие годы: “Зулейха, родная, я хотел бы посадить тебя на плечи и донести до самой Мекки. Ты стала святой для меня...”. 14 раз, через каждые полгода, ездила она к нему. Жила в Ленинграде. Помогли ей тогда близкие И.И. Фетисова - профессора, выпускника Парижского университета, который в лагере сблизился и подружился с Магжаном. Продавая фамильные кольца и браслеты, Зулейха ездила, верила и любила.

Освободили Магжана в 1936 году. Верная спутница жизни привезла вырвавшегося из неволи узника в Царское Село, где снимала квартиру в ожидании его освобождения. Предложила отдохнуть здесь и набраться сил. Но он категорически отказался: ему так хотелось домой, на родину.

И они возвращаются в Петропавловск. На первых порах им оказывают помощь и дружескую поддержку. Особенно Сакен Сейфуллин. Однако вскоре вновь начинаются упреки и обвинения Жумабаева в старых грехах. Из техникума, где он преподавал, его увольняют как “неблагонадежного”. Магжан идет работать в школу, но вскоре гонят и оттуда. Он решается поехать в Алма-Ату, ближе к творческим организациям, и поступает работать в краеведческий музей. Но не успевает привыкнуть к новой работе, как его вновь увольняют. Не рассчитывая устроиться в

Алма-Ате, он вместе с Зулейхой отправляется в один из колхозов Алма-Атинской области, устраивается на работу в медпункте. Но вести о "неблагонадежности" доходят и сюда. Опальный поэт лишается и этой работы. И все это на протяжении одного-полтора лет.

Травля, гонения принимают такие формы, что Магжан пытается покончить жизнь самоубийством и только случайно остается живым. Спустя некоторое время, 30 декабря 1937 г., его вновь арестовывают. Это был уже, считает Улжан, третий арест Магжана.

"Всем памятно известное письмо вдовы Магжана к главному редактору журнала "Простор" И. П. Шухову, написанное в 1965 году и опубликованное в № 3 журнала "Простор" за 1989 г. (оно было приведено выше. - В.Ш.), - делилась своими чувствами в письме Улжан, - Зулейха выполнила свое обещание, данное в письме Ивану Шухову, что примет посильное участие в составлении творческой биографии и в подготовке избранных произведений к печати". В 1989 году ее воспоминания составили киномонолог. И мы теперь имеем возможность видеть на экране живого свидетеля любви и жизни Магжана Жумабаева.

Далее Улжан поведала нам, какой была доброй хранительницей очага и музыки Магжана его верная спутница. Двери ее дома были всегда открыты людям. Если видела в ком-нибудь неподдельный интерес к творчеству и судьбе Магжана, предоставляла возможность почитать рукописи стихов. Нередко отправлялась в Союз писателей Казахстана и постоянно озадачивала одним и тем же вопросом: когда будут изданы творения Магжана? Руководители СП не избегали ее. Знали: дачу, машину и прочие жизненные льготы просить не станет. Взаимоотношения первого секретаря Союза писателей Казахстана поэта Олжаса Сулейменова с вдовой Магжана сложились добрые. Олжас Ома-

рович нередко сам навещал ее. Многие годы он, еще задолго до реабилитации творчества поэта, оказывал семье поэта посильную помощь.

Первая книга стихов Магжана обернулась счастьем для Зулейхи. Плача и прижимая к себе книгу, она сказала, что теперь и умирать нестрашно. Через полгода ее не стало...

“И все же я думаю, - размышляет Улжан, - стоит воздать благодарение Богу и судьбе, что ей довелось держать в руках то, о чем, возможно, мечтал сам Магжан, - сборники его стихов, многотысячным тиражом изданные в Казахстане”.

РОД, СТАВШИЙ СОКОЛИНЫМ

**О Сасыкколь! Ты для предков в былые года
Щедрым являлся поильцем-кормильцем всегда.
Всех укрывали, спасали, хранили от бед
Два твоих дара бесценных - трава и вода.**

Магжан ЖУМБАЕВ

Естественно желание ощутить всей душой истоки поэтической музыки Магжана на его родине, которая находилась километрах в трех от центральной усадьбы бывшего совхоза “Молодежный”, где раньше располагался казахский аул Сасыкколь и простиралась бескрайняя степь с редкими березовыми перелесками, с кочующими ордами горьких полынных ветров летом и набегами лихой конницы буранов зимой.

Уроженец здешних мест, поэт Хамза Абдуллин, хорошо знающий родословную и историю судьбы Магжана, одним из первых поведал нам о них, рассказывая о его родословной:

“Там, где великая сибирская тайга своей юго-западной оконечностью граничит с бескрайней казахской стенью “Сары-Арка” (“Золотая стень”), - писал он, - широко раскинулось большое и глубоководное озеро Сасык-коль, южная сторона которого густо заросла кугой. В этих обильных зарослях озера не счесть водоплавающих птиц. Здесь и громкоголосый гусь, утка-кряква, касатка, неугомонный кулик и прочая пернатая мелочь.

Краса и гордость озера - неразлучная пара лебедей. Они, окружив с двух сторон своих еще не оперившихся птенцов, выводят их на утреннюю прогулку. Белая лебедь, по поверью казахов, царица всех остальных птиц, поэтому она в этом краю не боится людей, держит себя на воде царственно, величаво и достойно. Казахи испокон веков почитают ее, никогда не поднимают на нее оружие, она для них - священная птица. И лебедь, чувствуя такое отношение к себе, близко подплывает к берегу и с любопытством наблюдает за игрой купающихся малышей.

Когда-то с западной стороны озера окаймлял густой лес, на его опушке стоял добротный, как говорили тогда, пятиястильный дом. В этом доме 25 июня 1893 года родился Магжан Бекенович Жумабаев. В ту пору в официальных документах эта местность именовалась Полудинской волостью Петропавловского уезда Акмолинской области.

Отец Магжана, Бекен-ага, был крупного телосложения, красивый мужчина с орлиным носом, большими и острыми глазами, округлым лицом и властным характером. Он тоже родился на берегах Сасыкколя в 1868 году.

Жену Бекена звали Гульсим-апай. Она родила ему семерых сыновей и двух дочерей. Старшим из детей был

Муслим. Затем родились Кахарман, Магжан, Мухамеджан, Салимжан (Салтай), Калижан и Сабыржан. Дочерей звали Куляндам и Гульбахрам.

В нашем североказахстанском крае и Бекена, и потомков Бекена до сих пор называют “родом, берущим начало от волка”. Существует семейная легенда: когда мать Бекена по имени Койдык забеременела им, то у нее вдруг возникло сильное желание отведать волчьего мяса. Впрочем, проявлять к этому изысканный интерес не совсем уместно, однако в нашем краю известно, что действительно все дети Бекена и дети детей его все как на подбор были смелыми, настойчивыми, деятельными и удивительно красивыми.

Но судьба их в последующем оказалась трагической. В тридцатых годах горе-активисты эпохи культа личности преследовали не только непревзойденного мастера поэтического слова, любимца казахской молодежи Магжана Жумабаева, но и всех его братьев и сестер, близких родственников.

Два старших брата поэта - Муслим и Кахарман, младший его брат - Мухамеджан были арестованы в середине 1937 года как “враги народа”. Сам поэт по такому же обвинению первый раз был арестован в 1929 году, а второй - 30 декабря 1937 года.

Трое из них - Муслим, Магжан, Кахарман - словно канули в воду, до сих пор неизвестно, в каком году и где они расстреляны, в какой местности были похоронены. Мухамеджан же, отбыв долгие десять лет в лагере, вернулся в свой аул и умер, прожив 82 года. Другой брат поэта Салимжан (Салтай) жил в доме родителей, добывая в поте лица кусок хлеба, чтобы отец Бекен и мать Гульсим не умерли от голода. Но и Салимжан дважды побывал в тюрьме как родной брат “врагов наро-

да". Самые младшие братья Магжана - Калижан и Сабыржан - оставили родной дом в юношеские годы, наши-ли приют в городе Фрунзе в семье братского киргизского народа. Они скончались в начале 80-х годов.

Умерли в горестные тридцатые обе дочери Бекена и Гульсим, унеся с собой в могилу печаль и тоску по родным братьям».

Откровенно говоря, когда я поехал в командировку в родные места Магжана, то не надеялся встретиться с его родственниками. И считаю, что мне повезло, что я встретился с вдовой родного брата Магжана - Салимжана - Бибизайып-апой, проживавшей в селе Бастомар, от которого рукой подать до родных мест поэта.

Хотя ей уже было в то время далеко за восемьдесят, вряд ли у кого бы повернулся язык назвать ее старухой: легкая походка, вышитый национальным орнаментом голубой камзол, тонкие черты лица делали ее намного моложе своих лет.

И удивлялся я уже не тому, что она знает наизусть и может читать еще и еще стихи М. Жумабаева, его поэму, ставшую вершиной казахского эпоса, о живущем в далекие времена здешнем легендарном батыре по имени Баян, храбро бившемся за родную землю с калмыками, а главным образом, тому, какую силу духа, красоту душевную надо было иметь этой хрупкой, как ива, склоненная на крутом ишимском берегу, аульной женщине, чтобы ее не сломили и не согнули в три погибели суровые вихри времени, смерчем пронесшиеся над всеми теми, кто был связан родственными узами с Магжаном Жумабаевым.

Невольно хотелось задать ей вопрос: как в глухом ауле, в почти заповедной степи, мог родиться такой крупный талант, который, по признанию одного из профессорско-литературоведов, стал поэтическим мостом от Абая до сов-

ременной казахской поэзии. Но из того, что она нам поведала, многое стало ясно.

Отец Магжана Бекен занимал пост волостного управителя в Полудине, был человеком прогрессивных взглядов, отличался справедливостью и гостеприимством, вел среди казахского населения большую культурно-просветительскую деятельность, оставляя двери своей юрты днем и ночью открытыми для находящихся приют в его доме путников.

Однажды в селе появился беглый башкирец Ахмеддин Аханов. Когда его привели к волостному, Бекен внимательно выслушал Ахмеддина и сказал: “Вижу, что ты грамотный и способный человек. Отправлю тебя в свой аул: будешь учить грамоте ребят. Там тебя никто не найдет”.

Так в Сасыкколе появился образованный человек, умеющий писать и читать по-арабски, знающий латынь. И в специально раскинутой для него юрте открыл школу, где учил грамоте аульных ребят, среди которых незаурядными способностями выделялся любознательный Магжан, сын Бекена.

Пришло время, когда Ахмеддин сказал приютившему его хозяину: “Я дал твоему сыну все, что мог. Теперь все зависит от вас самих”.

И Бекен по совету Ахмеддина отвез Магжана в Петропавловск, где тот стал учиться в казахско-татарском медресе.

И в дальнейшем юноша из глухого аула смог учиться дальше в знаменитом медресе “Галия” в Уфе, где знакомится с будущими известными поэтами и писателями, среди которых Беимбет Майлин, Габдолла Тукай, Сайфи Кудаш, принимать участие в известном рукописном журнале “Садак”, в казахской газете. А затем отправился в Омск в учительскую семинарию и сумел здесь глубоко изучить

и по достоинству оценить могучую силу поэтического слова Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Фета, Байрона и Гете, переводя их стихи на казахский язык.

А уже в советское время закончил в Москве Высший литературно-художественный институт, первым директором которого был В. Брюсов, работал в центральном издательстве, готовил учебники для казахских школ.

Когда Магжан приезжал погостить в родной аул, непременно привозил столичные гостинцы, которым особенно радовались никогда не видевшие подобных аульные дети. Это был настоящий праздник не только для его родных и близких, но и для всех жителей окрестных аулов.

Не скупился на угощение для односельчан и Бекен, ставя для редкого гостя из столицы белую юрту и велел заложить в котлы самое лучшее мясо.

А сам Магжан в аккуратно выглаженном костюме, в шляпе, с тросточкой не только завораживал степняков непривычным для аула видом, но удивлял еще и тем, что иной раз, не успев отведать источающий аромат бесбармак, выходил во двор, седлал коня и гнал его до близлежащих березовых колков.

Как знать, может быть, и рождались в те мгновения магжановские строки, ведь поэт находился в расцвете творческих сил и ему надо было побыть наедине с ветром, березками, небом, с самим собой.

“Могли ли мы тогда подумать, какая впереди ждет его беда, - горестно вздыхает Бибизайып-апа. -Я в поисках лучшей доли отправилась в Петропавловск и, сняв тесную и неуютную квартирку, приютила у себя родителей Магжана Гульсим и Бекена, делила с ними свой паек в те трудные и голодные годы. Вскоре была похоронена мать поэта, надломился под грузом бед скончавшийся в 64 года Бекен.

Когда вернулся из заключения муж Салимжан, я поду-

мала, что можно будет вздохнуть свободно и вместе воспитывать сына Болат. И не ведала, не гадала, что “черный ворон” приедет за Салимжаном вторично.

Вместе с сыном Болатом я осталась одна в пустом доме - имущество конфисковали, увели со двора буренку. А когда со слезами на глазах просила ее оставить, в ответ услышала:

-Корову семье врага народа держать не положено.

Из дома исчезли газеты, книги, тетради со стихами Магжана. Держать их по тем временам было рискованно. О судьбе же самого Магжана, подвергшегося вторично аресту в 1937 году, ничего не было известно, кроме того, что жизнь его оборвалась в следующем году”.

-И все же никаким силам не удалось вырубить на корню наш род, который я бы в отличие от семейного предания назвала соколиным, - с гордостью на прощанье говорит мне Бибизайып-апа. - Недаром же так полюбилась Магжану горьковская “Песня о Соколе”, строки которой можно отнести и к нему самому, ибо его прекрасному и замечательному таланту, а значит, ему самому, суждено парить высоко и во все времена.

Вскоре после встречи с Бибизайып-апой нашелся еще один родственник Магжана, его племянник Г. Кахарманов, который проживал в Боровом и сам приехал к нам в редакцию, чтобы поведать следующую историю:

“Однажды, а было это лет шестьдесят назад, приехал к нам в гости, в аул Сартомар, мой дядя Магжан. Мы, дети, звали его Жажеке. Вместе с женой Зулейхой пошел он на берег озера Сасыкколь. Увязались со взрослыми и ребятами. Нам очень нравилось слушать, как рассказывал дядя о природе, о родине. Особенно увлекались мы его сказками. Мы, в свою очередь, делились с Жажеке своими мыслями, детскими мечтами и были уверены, что он нас выслушает, поймет, посоветует.

В этот раз, на берегу озера, беседа шла неспешно, и вдруг Жажеке, преклонив колено, собрал мелкие камешки, поднес их к лицу и сказал:

-Даже камни Родины имеют свой неповторимый аромат. Запомните это навсегда.

И теперь, приезжая в аул, бывая на берегу озера, я вспоминаю слова моего дяди - учителя и наставника. В горле застревают ком, глаза застилают слезы. Немного прожил Магжан Жумабаев, но оставил после себя неоценимое богатство - стихи, статьи, книги.

У моего дедушки Бекена, как вы уже знаете, было девять детей - семь сыновей и две дочери. Всем им он сумел дать образование, что по тем временам было сделать весьма сложно. А трое из сыновей Бекена получили высшее образование - Магжан, Калижан и Сабыржан. Мой отец Кахарман тоже считался в роду Бекена очень образованным. Но лишь Магжан достиг таких высот, о которых можно было лишь мечтать. Он имел и восточное, и европейское воспитание, слыл человеком энциклопедических знаний. Однако никогда мы не слышали из его уст ни одного высокомерного слова, ни одним движением он не позволял себе унижить родственника или соседа.

Помню, собиравшись мы часто у нашего родового колдовца. Здесь, недалеко от озера Сасыкколь, располагалась наша зимовка. У дедушки Беке было 35 внуков и внучек. И несмотря на трагическую судьбу родителей (а все сыновья деда подвергались гонениям за то, что они родственники Магжана), мы жили очень дружно, помогали друг другу в большом и малом.

Видимо, поэтому, когда я стал взрослым, женился и у меня родился первенец, то назвал я сына Магжаном. О том я сообщил жене дяди, Зулейхе. Она дала свое согласие. А когда мальчику исполнилось шесть лет, приехала к нам

в гости, чтобы посмотреть на второго Магжана.

В 1978 году Габит Мусрепов, будучи на отдыхе в Боровом, заехал к нам. Долго мы вели разговор о судьбе казахской литературы, его книгах, книгах других писателей и поэтов. Зашла, конечно, речь и о стихах Магжана. Узнав, что мой сын носит имя своего некогда опального деда, он подарил ему книгу “Улпан ее имя” с дарственной надписью: “Милому молодому Магжану с искренними пожеланиями. Будь вторым Магжаном, всегда и во всем напоминай деда. Габит Мусрепов”.

Не стал мой сын ни писателем, ни поэтом. Но образ деда Магжана помог ему вырасти порядочным человеком, достойно служить Родине. Да и другие потомки славного рода Бекена не посрамили имени Жумабаевых. Все они выросли хорошими людьми, честными, работающими. И думаю, немалая в том заслуга моего дяди - Магжана Жумабаева”.

А закончить эту главу мне хочется сокровенным признанием Бибизайып-апы о том, что ее муж Салимжан, умирая, завещал родным, что если придет время реабилитации и признания Магжана, зарезать в честь этого лошадей, собрать всю родню и устроить той. Такое время пришло. Магжан вернулся в родную степь навсегда.

И еще. После меня в гостях у Бибизайып-апы (она умерла несколько лет назад) побывал районный журналист В. Шмидт. Он рассказал мне, что когда она говорила на казахском, ее слова переводила на русский ее младшая внучка Альмира, в то время студентка КазГУ. Она и ее старший брат Болат серьезно взялись за составление подробной истории своей семьи. “Не забывайте о своих корнях, вернитесь к ним и вы найдете то, что искали на чужбине”, - это слова седовласой Бибизайып-апы, степной аристократки, которая, разменяв девятый десяток много

вича обратилась его супруга Зулейха Жумабаева, которая проживала на станции Карагуга бывшего Конюховского района Северо-Казахстанской области. В 1959 году она пишет заявление на имя тогдашнего председателя Совета Министров СССР Хрущева. В результате этого ходатайства материалы архивно-следственного дела были пересмотрены в военном трибунале Туркестанского военного округа.

Р. Абатурова помогла нам узнать, как распоряжались судьбой великого поэта заплечных дел мастера.

Из протокола допроса

М. Жумабаева:

“Родился в Полудинской волости, в 1893 году, в семье крупного скотовода-бая. До 1909 года находился на издвигении у родителей, учился у мулл. В 1911 году отец отправляет меня в Уфу, где определяет в медресе “Галия”. Здесь я стал готовиться для поступления в Омскую учительскую семинарию, для чего изучал русский язык. После окончания семинарии, в 1917 году, стал работать в областном казахском комитете. Затем поступил в учительский институт. Во время колчаковщины заведовал в Петропавловске двухгодичными учительскими курсами. Спустя год меня назначили редактором газеты “Бостандык туы”. В 1923 году я уехал в Ташкент, где стал преподавать и работать членом казахской научной комиссии. Еще через год я поступил в Московский литературно-художественный институт, имел стипендию Туркестана. Но потом меня лишили этой стипендии, так как я состоял на службе в Центроиздате. В 1926 году я вернулся в Петропавловск, где стал работать в совпартиколле, преподавать русский язык казахам, а казахский - русским...”

В 1923 году Туркестанское государственное издательство делает попытку издать Магжана Жумабаева. В предид-

словии ко второму изданию, написанному Султанбеком Куджан-оглы, говорится:

“Мы издали стихи Магжана Жумабаева, считая, что они заслуживают почетное место в киргизской (казахской) литературе. Поэтические произведения автора читатели уже знают. Ясно, что в деле возрождения новой литературы там, где только начинает вырабатываться литературный язык, заслуга таких поэтов, как Магжан, громадна.

Считающийся до сих пор в Туркестане языком кочевников-скотоводов и признанный неподходящим, неудобным для деловой переписки и для печати, киргизский (казахский) язык в стихах Магжана выявляется как гибкий, богатый, чистый, легкий и вполне обработанный. Поэтому мы в стихах Магжана имели в виду больше литературную сторону, чем их политическое содержание. И читатель не должен обращать внимания на те места, где встречаются противоречия марксистскому мировоззрению. А побольше обращать внимания на красоту и художественную сторону, на образность, должен серьезно вникать в их исторический смысл...”

НКВД, подчеркивает Р. Абатурова, напротив, обращало больше внимания именно на политическое содержание стихов Магжана, и описывает, как обыденно-буднично началась первая ссылка поэта в лагеря Карелии. На квартиру к Магжану зашли “на огонек” следователь местного НКВД Губайдуллин и милиционер Шаяхметов. Гостевание их затянулось: пили кумыс, часвничали, слушали стихи и эпиграммы, которые читал Магжан. Гости стихи нахваливали, а над героями эпиграмм, прототипами которых были руководители республики и городского НКВД, заразительно смеялись. Но уже на утро стало ясно, что их смех был деланным - Магжан получил предписание прибыть по назначению в Алма-Ату. Затем Москва, и дальше - по этапу.

Обвинение стандартное: создание подпольной организации и написание произведений буржуазно-националистического толка.

Постановлением коллегии ОГПУ от 4.04.30 г. М. Жумабаев был осужден по ст. 58-II и 58-10 УК РСФСР к 10 годам (за создание в Ташкенте подпольной контрреволюционной организации).

Вторично Магжан Жумабаев осужден решением комиссии НКВД и Прокуратуры СССР от 11 февраля 1938 года по статьям 58-6 (шпионаж) и 58-11 (организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений и равно участие в анти-советской организации).

С чего начинается “дело”? Составлены справки двух сотрудников НКВД. В них указывается, что “с 1917 года Жумабаев состоял членом националистической организации “Бирлик” в Омске. Позднее был членом “Алаш-Орды”, участвовал в организации борьбы с Советской властью. В 1922 году, будучи завербован в контрреволюционную организацию казахских националистов, проводил активную контрреволюционную деятельность, направленную на подготовку контрреволюционных повстанческих кадров на свержение Советской власти. А в 1929 году был уличен в контрреволюционной деятельности и осужден к 10 годам лагерей заключения, а в 1936 году, вернувшись из лагеря, восстановил старые связи и продолжает вести контрреволюционную работу”.

Уголовное дело в отношении Жумабаева, отмечает Р. Абатурова, не возбуждалось так, как того требует процессуальный закон, а сразу началось с предъявления обвинения, когда еще нет никаких доказательств о совершении преступления. Затем, 30 декабря, через четыре дня, Магжан Жумабаев допрашивался сотрудником УГБ НКВД.

-Вы арестованы как член антисоветской националистической организации, существовавшей в Казахстане, и по ее заданиям вели активную контрреволюционную работу. Признаете ли вы себя виновным в этом?

Магжан отвечает:

-Виновным в этом себя не признаю.

Допрос закончен. В протоколе больше нет ни слова, кроме подписи М. Жумабаева. Затем через семь дней, уже 6 января 1938 года, в деле появляется заявление Жумабаева на имя народного комиссара внутренних дел Казахстана. Магжан Жумабаев пишет:

“Желая искупить свою вину перед Советской властью, чистосердечно заявляю, что предъявленное мне обвинение в том, что я занимался... шпионской деятельностью в пользу одного из иностранных государств, подтверждаю. Шпионажем в пользу Японии я, Жумабаев, начал заниматься с 1919 года по 1929 год, т.е. по день моего ареста и отправки в лагерь. По отбытию таковых и возвращению в Казахстан в 1936 году я возобновил свою деятельность в пользу названных государств и восстановил свою связь с членами националистической организации. Завербовал меня Букейханов в 1919 году в городе Омске. Дополнительные показания о своей деятельности дам дополнительно”.

Можно не сомневаться, что на Жумабаева было оказано как физическое, так и психологическое давление. Десять лет он уже просидел в сибирских лагерях и хорошо знал повадки НКВД, знал, что все равно осудят. Не выдержав насилия, он оговорил себя в надежде сохранить себе жизнь. 6 января он написал заявление, и после этого только 10 февраля его начинают допрашивать.

Видимо, вопросы и показания были заранее составлены. Специально приводятся сотни фамилий, кого он якобы привлек к шпионской деятельности, кого - в организацию “Алаш-Орда”. Показания были заранее отпечатаны на ма-

шинке. Сомнений нет - все дело было сфабриковано, о бездоказательном обвинении в шпионаже сам за себя говорит и факт, что Алихану Букейханову (осужденному в 1937 году) обвинение в шпионской деятельности не предъявлялось. Как же он тогда “завербовал” Жумабаева?

В открытом письме М. Жумабаева от 21 мая 1937 года на имя председателя Совнаркома КазССР Исаева поэт просит о предоставлении ему “возможности показать свое бесповоротное перерождение, окончательную перековку, свою преданность социалистической родине на деле, на творческой работе, в частности, на литературной творческой работе”, дав возможность печататься в Казахстане.

Горько читать о преступлениях, которых автор письма не совершал. Но ведь “раскаиваться”, отмечает Р. Абатурова, тогда было принято. Сталин любил “искренние раскаяния”. Случалось, кому-то они спасали жизнь.

8 июля 1960 года Жумабаев был посмертно реабилитирован. Вот что указывается в документе: “Решение комиссии НКВД и Прокуратуры СССР от 11 февраля 1938 года в отношении его производством прекратить, поскольку за эти деяния Жумабаев был осужден к 10 годам и наказанию отбыл”.

Вот ведь какой парадокс получается: в 1938 году Жумабаев был осужден к расстрелу за то, что уже... отбыл наказание. Знакомая с “делом” Жумабаева, Р. Абатурова подтверждает уже известный нам факт о том, что после отбытия своего десятилетнего срока Магжан пытался искать справедливость, обратившись в Алма-Ату, в Союз писателей Казахстана. В “деле” имеется письмо Сабита Муканова в адрес Жумабаева, где выражается надежда, что “если Магжан встал на путь исправления, то будет приниматься решение о принятии его в члены Союза писателей Казахстана”. Видимо, после этого Магжан поехал в Алма-Ату, где его в декабре 1937 года взяли под стражу.

8 июля 1960 года было принято решение о реабилитации Магжана Жумабаева.

Документ, заверенный гербовой печатью военного трибунала Туркестанского военного округа, гласит:

“Дело по обвинению Жумабаева Магжана Бекеновича, 1893 года рождения, до ареста по настоящему делу (30 декабря 1937 г.), без определенных занятий, пересмотрено военным трибуналом Туркестанского военного округа 8 июля 1960 года. Постановление от 11 февраля 1938 года отменено и дело прекращено. Жумабаев Магжан Бекенович реабилитирован посмертно.

Председатель военного трибунала ТуркВО генерал-майор юстиции Примак”.

Прошли те времена, подчеркивает Р. Абатурова, когда и органы госбезопасности, и другие правоохранительные органы являлись безмолвным оружием в руках режима той власти, тех правителей, которые вели необъявленную войну против своего народа путем массовых репрессий. Принятые законы правового государства стали надежным гарантом того, что страшные трагедии прошлого, ломавшие судьбы даже таких выдающихся по таланту людей, как Магжан Жумабаев, никогда у нас не повторятся.

СЕЯ ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ

Должен знать невежда, что душою слеп,

“Ремесло, науки для голодных хлеб”.

И нной заботы нет у них: “Стезю

Проложить заблудшим в море жизни мне б”.

Магжан ЖУМАБАЕВ

После появления моего очерка “Его называли казахским Пушкиным” в марте 1989 года (кстати, это была первая публикация в Северо-Казахстанской областной газете о

Магжане Жумабаеве) в редакцию газеты стали приходить письма, которые раскрывали те или иные черты удивительно самобытной, многогранной личности поэта, верного сына своего народа.

Первой откликнулась Татьяна Петровна Нетесова, бывшая учащаяся школы № 7 им. Пушкина г. Петропавловска, в которой преподавал Магжан Жумабаев.

“Я, как правило, читаю публикации, которые посвящены или связаны с именем великого русского поэта А.С. Пушкина, очень любимого мною, - писала она в адресованном мне письме. - Поэтому, когда я взяла в руки однажды областную газету “Ленинское знамя” и увидела очерк “Его называли казахским Пушкиным”, решила внимательно его прочесть.

Мое внимание привлек снимок, на котором был запечатлен юноша с курчавыми волосами, тонкими чертами лица, которое показалось мне очень знакомым. Прочитала публикацию, долго разглядывала фото и уже без всякого сомнения определила: герой очерка и наш учитель русского языка и литературы, который вел уроки в неполной средней школе № 7, носящей имя А.С. Пушкина, - одно и то же лицо. Он преподавал в 6-7-х классах. Было это в 1936 году, в первом полугодии. Школа находилась в двухэтажном деревянном здании, в котором позже стала располагаться станция юных техников.

Когда Магжан Бекенович в первый раз вошел к нам в класс, мы, признаться, засомневались, сможет ли он вести на соответствующем уровне уроки казахского языка и литературы, но уже после первого занятия все сомнения рассеялись, а после нескольких уроков мы просто полюбили нового учителя, особенно за то, как он вел литературу. Магжан Бекенович так увлеченно и интересно рассказывал, столько много знал, так отлично владел словом, что все ученики, даже самые вертлявые мальчишки, слушали его, затаив дыхание.

Когда по расписанию выпадали смежные уроки литературы и русского языка, Магжан Бекенович, как правило, не покидал класса, а меня невозможно было выгнать. Я ловила каждую свободную минуту, чтобы поговорить с полюбившимся всем нам учителем. В то время я не по возрасту многое помнила наизусть. Магжан Бекенович знал об этом и охотно беседовал со мной. Нередко просил прочитать наизусть любимые мной стихи. Помню, как читала “Памятник” А.С. Пушкина, и учитель похвалил меня за хорошее чтение.

Во время наших коротких внеклассных бесед, когда его кружком обступали ребята (как правило, Магжан Бекенович не торопился в учительскую), лицо учителя менялось, теплели грустные глаза, появлялась легкая улыбка, которая всегда располагала к нему его питомцев.

О себе он никогда ничего не говорил, хотя мы нередко просили его рассказать о своей жизни. А вот любовь к литературе успел привить многим, хотя уроки вел недолго. Из школы исчез неожиданно, так и не закончив учебного полугодия.

На расспросы, где он, что с ним, директор школы, завуч и преподаватели отвечали коротко: “Отозван в Алма-Ату как поэт”. В том, что Магжан Бекенович - поэт, никто из нас не сомневался, хотя мы и не читали его стихов.

Прошло еще немного времени, и всех нас разбросала судьба по различным дорогам жизни. Не знаю, как кто, а я нередко вспоминала об уроках литературы, которые давал нам Магжан Жумабаев, может быть, потому, что сама стала учительницей и старалась ему подражать. Как и у многих людей довоенного поколения, трудная судьба выпала и на мою долю. Закончив семилетку и педкурсы, я поехала работать учительницей в село Шаховское, потом стала заведующей школой в Толмачевке (это недалеко от

Асанова), где, кроме русских, жили казахи, украинцы, немцы.

Уже во время войны пошла работать на завод имени Калинина, стала электриком, на “когтях” по столбам лаза-ла, женское ли дело? Но ничего - приспособилась. Одной пришлось растить двух сыновей, один из них трагически погиб.

Одним словом, много было в моей жизни горького, и, как самые светлые мгновения, оставались в памяти уроки Магжана Жумабаева на русском языке. Но о дальнейшей судьбе любимого учителя ничего не знала. И вот я прочитала в областной газете о жизни и судьбе прекрасного поэта и мужественного человека с большой буквы, нашего любимого учителя...”

Глубоко символично, что тот, кого называли казахским Пушкиным, преподавал в школе имени Пушкина, расположенной на улице, также носящей имя великого русского поэта.

Как видно из письма, Магжан своими знаниями, эрудицией способствовал глубокому освоению творчества классиков русской литературы, прекрасно владел материалом, отлично знал язык.

Наш известный краевед, неутомимый следопыт родного края Михаил Бенюх, включившийся в поиск материалов о Магжане, первым в облгосархиве г. Петропавловска обнаружил документы о его деятельности на ниве просвещения. Они содержат сведения, позволяющие представить “нулевой цикл” советского школьного строительства.

“По приходе красных, - сообщается в отчете школьного подотдела Петропавловского отдела народного образования за 1920 год, - на бумаге числились 262 школы с 574 преподавателями. Фактически большинство из школ не функционировало: в уезде - из-за отсутствия учащихся и

школьных принадлежностей, в городе - из-за расквартирования в школьных помещениях солдатских казарм...”

“Книга учета личного состава школ Петропавловского уезда” за этот же год дает представление о формировании “учительского корпуса”. В ней имеется пометка: “Жумабаев Магжан... временно назначен на должность заведующего Успенского районного отдела народного образования с 1 апреля 1920 года”. В ведении заведующего находились школы в Булаевском и Возвышенском районах (ныне район М. Жумабаева).

Вероятно, именно в это время, предполагает М. Бенюх, Жумабаев стал особенно интенсивно работать над созданием учебников и пособий для советских казахских школ. В тексте протокола “Объединенного совещания от 31 января 1921 года, созванного Народным комиссариатом просвещения и членом редакционной коллегии при Госиздате КАССР Ахмедом Байтурсыновым по вопросу составления и перевода учебников на киргизском языке для Киргизской единой трудовой школы 1-й и 2-й ступеней” в числе согласившихся принять участие в осуществлении задуманного называются “товарищи Магжан Жумабаев, Макаш Турганбаев, Кожмухамет Кеменгиров, Жумагали Тлеулин”. К этому времени уже готовились Жумабаевым переводы “Киргизской истории” и “Педагогики”. Объединенное совещание поручало ему написать “Теорию словесности киргизского языка”. Было решено составление и перевод учебников закончить к 1 июня, “с тем чтобы отпечатать и издать летом к началу будущего учебного года”.

Фамилия Магжана вновь встречается в “Списке школьных работников и педкурсов Акмолинской губернии” за 1921 год. В документе указывается, что “Жумабаев Магжан Б. назначается лектором Петропавловских трехгодичных педагогических курсов с 1 ноября 1921 года”.

Но сея доброе, вечное в тяжелейшие дни после гражданской войны, когда свирепствовали эпидемии, хватала за горло костлявая рука голода, безысходную тоску вызывала разруха, Магжан не мог оставаться в стороне от бед и чаяний народных. И красноречивое свидетельство тому - его деятельность на очень ответственном посту заместителя председателя Акмолинской губернской чрезвычайной комиссии помощи голодающим, следы которой были обнаружены в документах облгосархива в 1997 году и представлены в публикации заведующего отделом этого учреждения М. Мелехина.

Бесстрашный, сухой, бьющий, подобно выстрелу из пистолета, язык документа свидетельствует, сколько же людских страданий, боли, горьких слез пришлось пропустить через свое сердце Магжану, занимавшему должность в комиссии, которая, как повелевала мода тех революционных лет, краткости ради была поименована Акмолгубкомпомголом.

“23.06.1922 г. Москва ЦК Помгол.

Центральных губерний Петропавловск направляются голодающие тчк Акмолгуберния перегружена таковыми тчк связи разрастающимся голодом нашей губернии доходящего до людоедства прибывающие люди обречены голодовку тчк Просим ваших распоряжений запрещения переброски нашу губернию голодающих тчк

**Заместитель председателя
Акмолгубкомпомгола Жумабаев тчк”**

Эта телеграмма с подписью Магжана была отправлена в вышестоящую инстанцию в связи с царящим и набирающим силу в губернии голодом, когда появились случаи людоедства, а Москва посылает голодных людей из центральной России без учета ситуации, сложившейся в регионе.

В то время без мандатов не обходилось. Вот один из них, подписанный чрезвычайным уполномоченным КирЦИК и ЦК П.Г. Княковым 1 июля 1922 г.:

“Предъявитель сего заместитель председателя Акмолинской Губернской Чрезвычайной Комиссии помощи голодающим Жумабаев Магжан Бекенович командировается в Петропавловский и Кокчетавский уезды для усиления работы по оказанию помощи голодающим”.

Еще один красноречивый документ - телеграмма Кокчетавскому исполкому:

“Предложите уполномога Жумабаеву срочно выехать губернию для доклада. Пред.Акмолгубисполкома Шарипов. 1 августа 1922 г.”

“И - РАВНЫМ ПО ДУХУ БУДЬ МИРУ ВСЕМУ”

**Очнись и воспрянь! - наступила пора.
Тебя день и ночь угнетали вчера.
Ты в сторону старый облезший тымак
Отбрось, чтобы новые слышать ветра.**

**И, в книги вникая, невежества тьму
Рассеешь, разрушив незнания тюрьму.
И века грядущего будешь достоин,
И - равным по духу будь миру всему.**

Магжан ЖУМАБАЕВ

“Как сегодня помню образ Магжана-ага, - вспоминала бывшая выпускница Петропавловского педтехникума З. Садвакасова, - в ту пору, когда преподавал поэт - среднего

роста, плотного, крепкого телосложения, светлое лицо, густые черные волосы, элегантный, всегда аккуратен и красиво одетый. Его лирические стихи пленили нас, и мы с нетерпением ждали следующей встречи с ним. Непринужденные беседы, мудрые советы нашего наставника оставили незабываемые впечатления. Мы хотели быть похожими на него и, честно говоря, были в него влюблены”.

А вот свидетельство доцента КазПИ им. Абая Бакшилова о том, как воспринимали Магжана в обществе, приведенное племянницей поэта Р. Жумабаевой, к воспоминаниям которой мы вернемся: “Мне было 15 лет. На одной из вечеринок все с нетерпением ждали Магжана, особенно девушки и женщины. Он пришел с опозданием, яркий, красивый. Одет был необычно. Скинул макинтош, небрежно бросил белые перчатки. Извинился. Но дамы сразу попросили за опоздание плату стихами экспромтом. Стихи были выданы, великолепные, блестящие, искрящиеся юмором”.

Умирбай Ибраев, бывший ученик совпартшколы, в которой намного раньше, чем в школе им. Пушкина, преподавал Магжан, одновременно давая уроки по русской и казахской литературе в педтехникуме, вспоминает, что в учебное заведение учитель являлся всегда аккуратно одетым.

Невольно возникал вопрос, откуда же берут начало истоки эрудиции Магжана, где и когда выходец из глухого аула обрел тот самый европейский блеск, который, подобно лучу солнца, озарил его современников.

В какой-то мере пролило свет на это обстоятельство письмо писателя из Караганды Жаика Бектурова, в котором он писал нам в 1993 году:

“Как представитель Союза писателей Казахстана. »

долгие годы принимал участие в работе Омского отдела Всесоюзного географического общества, выступал на юбилейных сессиях этой организации. На одной из сессий меня приняли в члены этого общества. Совместно с омскими учеными и литераторами по мере сил способствовал становлению мемориальных досок на зданиях Омской учительской семинарии нашим землякам - видному поэту С. Сейфуллину, общественному деятелю Н. Нурмакову, бывшему слушателю кадетского корпуса, выдающемуся просветителю Ч. Валиханову, директору семинарии, крупному исследователю казахской степи А.Н. Седельникову, одному из ведущих авторов капитальной книги "Киргизский край", изданной в Петербурге в 1903 году, а также книг "Акмолинская область" и "Озеро Зайсан".

В те годы я познакомился со многими омскими учеными, литераторами и журналистами, в том числе ныне покойными профессорами В.В. Берниковым, внуком известного русского поэта, автора "Конька-Горбунка" П. Ершова, и доктором сельскохозяйственных наук В.К. Ивановым.

Валентин Константинович Иванов был близким другом казахских писателей и общественных деятелей, которые в начале нашего века учились в Омске, в частности Сакена Сейфуллина и Магжана Жумабаева. Он много рассказывал об истории учительской семинарии, которая открылась в Омске еще в начале 70-х годов прошлого столетия и считалась в то время Сибирским университетом. В 1967 году В.К. Иванов передал мне свои воспоминания о казахских воспитанниках Омской учительской семинарии.

Город Омск имеет для нас исключительное культурное и экономическое значение. Здесь впервые были опубликованы в оригинале стихотворения великого Абая, здесь совместно с А.Н. Седельниковым наш крупный ученый и востоковед А.Н. Букейханов составил географическое, этно-

графическое и экономическое описание обширной казахской степи. Казахский ученый-демократ и путешественник Чокан Валиханов окончил здесь кадетский корпус и стал первым казахом, принятым в действительные члены Русского императорского географического общества, выдающимся представителем русской и казахской демократии, служившим связующим звеном дружбы наших народов.

В 60-х годах я не смог предложить воспоминания ныне покойного В.К. Иванова в печать, потому что в них содержались строки о нашем замечательном национальном поэте Магжане Жумабаеве, в то время накрепко запретном не только для печати, а даже для устного упоминания. Мне не хотелось вычеркивать строки В.К. Иванова, написанные им от всей души о большом казахском поэте. До сих пор воспоминания Иванова хранились в моем личном архиве. Поскольку сейчас как казахские, так и русские читатели имеют в своих библиотеках произведения М. Жумабаева, я решил предложить воспоминания русского ученого-педагога о наших казахских и русских друзьях”.

Из воспоминаний доктора наук В.К. Иванова

Признаюсь, в семинарские годы мастерство, с которым владели русским языком наши товарищи-казахи, я не мог еще оценить в полной мере.

Много позднее - в 1922 году, возвращаясь из Борового, я остановился у своего товарища, окончившего вместе со мною учительскую семинарию в 1919 году, Мухамеджана Бейсенова. Во время нашей беседы с М. Бейсеновым в комнату вошел Магжан Жумабаев.

Как только он заговорил, я был буквально очарован красотой русского языка в устах Магжана, богатством красок и оттенков слов, чистотою, светлой прозрачностью его слога.

В лекциях о культуре речи, которые я нередко читаю своим слушателям-студентам Омского сельскохозяйственного института, я почти каждый раз вспоминаю этот случай, столь поразивший меня и запечатлевшийся в моей душе на всю жизнь.

Семинария до революции дада Сибири около тысячи народных учителей. Омская учительская семинария, открытая в 1872 году, была одним из старейших учебных заведений Сибири и являлась по тому времени важным культурным центром. Сибирский университет - так любовно называли семинарию в старые годы. В семинарии было отлично поставлено преподавание русского языка и литературы, естествознания, психологии, педагогики, дидактики и методики основных школьных предметов. При семинарии существовала образцовая начальная школа, где проводились показательные занятия, а семинаристы давали свои первые уроки.

Планы уроков тщательно разрабатывались с руководителем-преподавателем, а после их проведения подробно обсуждались на так называемых конференциях всем классом. Такого рода обсуждения были всегда содержательны и проходили очень интересно и живо. Ученики образцовой школы должны были обращаться к семинаристам не иначе как "господин учитель", разумеется, такое положение обязывало каждого семинариста даже в самом младшем классе стремиться постоянно сохранять солидность и выдержку. Учащиеся семинарии не назывались учениками, а именовались воспитанниками семинарии.

Классы (их было четыре: приготовительный, первый, второй и третий - выпускной) редко имели более 20 человек, т.е. всех воспитанников семинарии бывало около 90 человек. Самые опытные и образованные пре-

подаватели назначались для повседневной воспитательной работы классными наставниками.

Душой Омской учительской семинарии был преподаватель естествознания, наставник семинарии Александр Никитич Седельников.

Седельников - крупный ученый, исследователь Западной Сибири, Алтая и Казахстана. Он был истинным педагогом, подлинным нашим учителем - его светлый ум, необычайное трудолюбие, скромность, гуманизм, чуткость, доступность, сыновья преданность родной семинарии и отцовские чувства к семинаристам привлекали наши сердца. Он пользовался всеобщим уважением, самой искренней любовью воспитанников семинарии.

Осенью 1917 года сходка семинаристов вынесла решение: предложить директору семинарии Алексею Павловичу Васильеву оставить руководство семинарией, просить занять пост директора семинарии А. Н. Седельникова. И он был избран педагогическим советом на этот пост.

Седельников учил семинаристов любить свой край, исследовать его: "Изучить родной край - долг каждого из нас. Этим должны мы доказать свою любовь к нему. Клянитесь, что будете честно учительствовать, водить ребят в лес, пробуждать в них любовь к природе", - призывал он нас во время экскурсии в окрестностях Омска.

Яркий след оставил в памяти семинаристов преподаватель русского языка и литературы Александр Иванович Покровский. Он окончил Томский университет, синий ромбик с белым крестиком - университетский значок - стал постоянной принадлежностью его вицмундира.

А.И. Покровский был блестящим лектором и оратором. Очень подвижный, несмотря на довольно полную фигуру, быстрый в движениях, увлекающийся и способный увлечь. Его занятия раскрывали семинаристам глубокое содержание и красоту формы классических произведений русской литературы.

А.И. Покровский научил семинаристов любить литературу. По своим убеждениям А.И. Покровский являлся передовым, демократически настроенным педагогом. Семинаристы перенимали от него смелость, самостоятельность и независимость суждений.

Были в семинарии и преподаватели другого рода. Образованным, хорошо эрудированным в вопросах литературы был старый директор семинарии Алексей Павлович Васильев, окончивший в свое время Нежинский лицей, в котором учился Н.В. Гоголь.

Дослужившись до высоких чинов - к 1916 году Васильев имел чин действительного статского советника, - удостоенный многих наград, он ревностно способствовал старому режиму. По отношению к семинаристам А.П. Васильев был сугубым формалистом, очень черствым человеком, придирчивым и даже грубым.

Общей ненавистью и презрением (это открыто выражали, например, Турганбек Байлин и Сакен Сейфуллин, первый - слишком прямо и откровенно, второй - более умно и тонко) пользовался преподаватель "ручного труда", эконом семинарии Генрих Иванович Томп. Плохо владевший русским языком и даже, видимо, недостаточно хорошо понимавший русскую речь, Томп угоднически всеми силами старался служить русскому самодержавию в качестве мелкого шпиона, доносчика.

...Все казахи вели большую просветительную работу, бурно развернувшуюся в послереволюционный пе-

К. Жумабаев.
(г. Курск). 1942 г.

Магжан Жумабаев.

**Дочь Калижана Райхан
Жумабаева с племянником
поэта Гадыльшой.**

Вдова Салимжана
Жумабаева, родного
брата поэта, Бибизайып-
апа
с сыном Болатом.
Аул Бастомар, 1993 г.

Гульсум Камалова.

Магжан Жумабаев.

**Зулейха Жумабаева
в молодости.**

**Зулейха Жумабаева
(справа)
с родственниками.
Боровое. 1973 г.**

Родственники М. Жумабаева (слева направо): Софья Тастемирова, Бибизайып Тастемирова (Бекенова), Салимжан Бекенов, Жамал Тастемирова (Бердыходжина), Сергазы Нурмагамбетов, Зулейха Тастемирова, Хамза Абдуллин. Г. Алма-Ата (1955 г.).

Супруги Бекеновы: Мухамеджан (родной брат Магжана Жумабаева) и Кульбарам.
Исилькульский р-н Омской обл. (1955 г.).

Гульсум Камалова (третья слева) со своими племянниками.
1912 г.

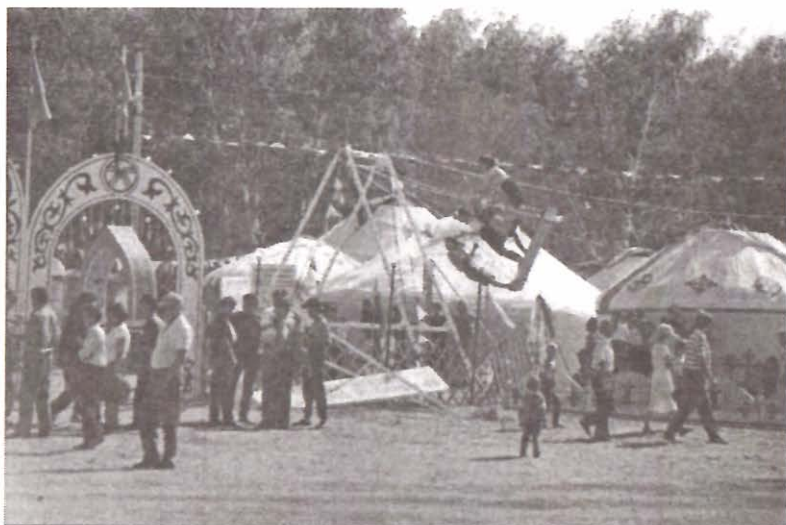

Учительская семинария в Омске, в которой учился Магжан.

Дом-музей
Магжана
Жумабаева
в с. Сартомар.

На месте
зимовки рода
Жумабаевых
заложен
памятный
камень.

На празнованији 100-летија со дня рожденија Магжана
Жумабаева в с.Сартмар. 1993 г.

Памятник Магжану Жумабаеву на родине поэта.

Бюст Магжана Жумабаева, установленный в г.Булаеве.

Памятник Магжану Жумабаеву в г.Петропавловске.

риод: курсы для казахов, спектакли, когда ставились первые пьесы, созданные казахскими писателями, и т.д.

Из окончивших Омскую учительскую семинарию вышло немало крупных, известных деятелей культуры и науки.

Эти воспоминания в какой-то мере дополняют отдельные сохранившиеся материалы семинарии в Омском облгосархиве, с которыми нас познакомил историк-краевед Михаил Беньюх.

Магжан Жумабаев (в документе Джумабаев Магжан) впервые упоминается 7 мая 1914 года (старого стиля) в числе воспитанников “приготовительного класса”, допущенных после “выставления годовых баллов” к “переводным испытаниям” (дело 101). Среди учащихся русской, украинской и других национальностей Магжан был единственным казахом в этом классе. В первом классе в 1913-1914 учебном году обучался “казенный стипендиат, сын потомственного гражданина из киргиз Сейфуллин Садвокас (Сакен) из Нельдинской волости Акмолинского уезда”. По одному-два казаха обучалось во втором и третьем классах семинарии.

Семинаристы получали сведения и навыки по русскому языку, арифметике, истории, естествознанию, физике, чистописанию, рисованию и черчению, “ручному труду”, педагогике и “практическому занятию с преподаванием”. От занятий по православному вероучению (Закону Божьему) и церковно-славянскому языку воспитанники, не исповедующие православное христианство, освобождались.

На выпускных экзаменах воспитанники третьего класса обязывались показать “успешные знания” по “педагогике и методике чистописания”, русскому языку, математике, естествознанию, географии и истории за все четыре года обучения в заведении.

Можно представить, во что превращались выпускные испытания в присутствии всего состава педагогов. Экзаменационный период продолжался 20-21 день в мае.

Уже в 1916-м году переводные и выпускные экзамены были отменены, и воспитанникам выдавались свидетельства, в которых выставлялись “годовые баллы”. На 12 марта 1917 года в 3-м классе обучалось только 5 учащихся (в январе этого же года досрочно выпущено 12 воспитанников). Фамилии окончивших в 1917 году учебное заведение не названы.

Жили воспитанники в интернате при семинарии и обязывались покидать его стены только по разрешению педагогов на указанное ими время, соблюдая и за пределами его “достойное поведение” и другие правила. В протоколах (1914 г.) педагогического совета имеется несколько записей о нарушении воспитанниками правил поведения и решений учительского коллектива по ним. В числе допущенных нарушения Магжан не называется.

У входа в главное здание бывшей Омской учительской семинарии пока закреплены две мемориальные доски о воспитанниках этого учебного заведения - Александре Никитиче Седельникове и Сакене Сейфуллине. Надеемся, к ним должна прибавиться еще одна - в память о Магжане Жумабаеве.

“После окончания семинарии, - писал в автобиографической справке Магжан в 1937 году, - стал работать в областном казахском комитете”. К этому времени в кругу казахской интеллигенции возникла идея создания национальной государственности и обустройства ее населения.

Насколько помыслы образованных людей казахского общества выражали чаяния народные, можно судить по свидетельствам, опубликованным в сборнике документов “Алаш-Орда” (издательство “Айқап”, 1992 г.).

Основная группа документов сборника относится к 1917-1918 годам, как замечает М. Бенюх, они свидетельствуют о сложнейших социальных и политических процессах, происходивших в казахском обществе, неоднородном по своим убеждениям, активности.

В них называется множество фамилий деятелей истории, сыгравших определенную роль в национально-освободительном движении, судьбах страны.

Так, обсуждая 21-28 июля 1917 года в Оренбурге на "Всекиргизском съезде" (первом) коренные проблемы жизни казахов, делегаты высказались за созыв Всероссийского учредительного собрания, которое должно было решить вопрос о национально-территориальной автономии казахского населения страны, организации их жизни. Было решено вести активную подготовку к выборам, намечены депутаты и кандидаты к ним от каждой области. В числе 11 лиц от Акмолинской области в учредительное собрание намечался Магжан Жумабаев. Когда выяснилось, что в учредительное собрание выборы будут происходить по партийным спискам, то в избирательный бюллетень по Степному избирательному округу было решено от партии "Алаш" внести 19 фамилий, в числе которых помещен Джумагали Тлеулин и Салмахбай Кусемисов, проживавшие в Петропавловске, а также Магжан Жумабаев, проживавший в Омске.

5-13 декабря 1917 года в Оренбурге состоялся второй "Всекиргизский съезд". В числе делегатов от Акмолинской области в заседаниях съезда участвовал и Магжан. На съезде было предложено объявить автономии "Алаш" немедленно. Однако большинство участников съезда - 43 человека против 34 и 3 воздержавшихся - посчитало это предложение несвоевременным по той причине, что не была выяснена возможность "присоединения всех киргизов Турке-

станского края к автономии "Алаш". Съезд избрал "временный народный совет" будущей казахской автономии "Алаш-Орда", в котором предусматривалось иметь 15 человек от казахского населения и 10 от русского и других народов. В комиссию по составлению учебников для казахских школ и руководства учителям в числе его пяти членов съезд избрал Магжана.

ЕГО НАЗЫВАЛИ КАЗАХСКИМ ПУШКИНЫМ

Если об учебе и общественной деятельности Магжана в Омске написано достаточно много, благо, что он с Петропавловском имеет давние культурные связи и является городом-соседом, то о его пребывании в Высшем литературно-художественном институте в Москве, которым руководил выдающийся русский поэт Валерий Брюсов, мало что было известно, кроме утверждения, что русский классик называл его казахским Пушкиным, добавив при этом: "Это от природы, плюс глубокие знания математики, музыки, изобразительного искусства". Помогло неожиданное обстоятельство. В издательстве "Казахстан" вышел и стал в буквальном смысле слова библиографической редкостью сборник Центрального совета Казахского общества охраны памятников истории и культуры (пятый выпуск), где собран целый ряд уникальных исследований.

Отрадно, что в нем большое место заняли материалы о Магжане Жумабаеве, среди которых был и мой очерк "Свеча в ураганной ночи". Была там и публикация С. и Г. Ахметовых "По затерянным следам", в какой-то мере стирающая одно из "белых пятен" в биографии поэта и дающая представление о его учебе в Высшем литературно-художественном институте.

Жизнь М. Жумабаева в Москве, свидетельствовали авторы публикации, была разносторонне деятельной, насыщенной многими значительными событиями. Он здесь не только учился, но и работал - вначале в Центральном восточном издательстве, организованном при Народном комиссариате по делам национальностей в декабре 1922 г., а с мая 1924 года - в Центральном издательстве народов СССР, которое издавало литературу на 50 языках, в том числе на казахском. Издательство носило универсальный характер: выпускало книги, газеты и журналы, наглядные пособия для национальных школ. Магжан был поглощен этой работой. Он создает учебники для казахских школ. К этим же годам относятся переводы М. Жумабаева "Песни о Буревестнике" А. М. Горького, рассказов Д.Н. Мамина-Сибиряка и Вс. Иванова. И все же едва ли вышесказанное во всей полноте отражает жизнь и деятельность М. Жумабаева во время пребывания его в Москве.

Мы не знаем еще многого, писали Ахметовы, как учился в ВЛХИ Магжан, как сочетал учебу с работой, с кем встречался и дружил в Москве, как относились В.Я. Брюсов, преподаватели института к студенту, который, по всей вероятности, был тогда единственным представителем народов Советского Востока?

В своем материале Ахметовы обстоятельно рисуют картину того, что же представлял из себя ВЛХИ в то время, когда его возглавлял Валерий Яковлевич.

Довольно любопытно было читать их описание традиций, нравов и духа, царящего в этом учебном заведении.

Студенты прозвали Брюсова "моржом" - за его коротко остриженную голову. Летом он прикрывал ее широкополой итальянской панамой, а зимой - бобровой шапкой. Его насупленные брови, сивые усы, высокая сутулая фигура в черном запомнились многим. Однако Брюсов не всегда

был сухим брюзгой, как отзывались о нем некоторые коллеги по литературному цеху. В студенческой среде Валерий Яковлевич преображался. На вечеринках паркет бывшего сологубовского особняка трещал от русской присядки. Игнали в разные игры, в том числе в фант, в “кошки-мышки”. Причем “кошкой” иногда становился сам ректор. Студенты знали также о чрезвычайной заботливости “моржа”. Обговаривая программу вечеринки, он, например, не забывал напомнить: “Вечер закончится поздно, так что снабдите уборщицу Сашу трамвайными талонами. Она живет далеко - в Марьиной роще”.

Авторы приводят воспоминания бывшего студента ВЛХИ В.В. Фефера, оставленного после учебы на кафедре прозы: “Время было трудное - холодное и голодное. Сил было мало и у нас, учеников, и у наших учителей. На занятия являлись пешком. Переполненные трамваи ходили неаккуратно, именно ходили. На дорогу тратилось много времени... И профессора, и студенты часто болели, а иногда не находили сил, чтобы добраться до аудитории... Педантично аккуратным был лишь Брюсов. Лишь один-единственный раз, в жгучую метель, он пришел, запорошенный снегом, с опозданием на семь минут. И отряхнувшись, с мокрыми, густыми, искрящимися бровями, вынул из кармана часы, себе в укор укоризненно покачал головой и смутился - так ему было непривычно и досадно опоздание на лекцию”.

Многие студенты подрабатывали на вокзалах, разгружали вагоны, кололи дрова у нэпманов. Магжан Жумабаев работал в Центроиздате. Ахметовы приводят еще одно свидетельство - А.И. Смирновой, которая также в то время училась в ВЛХИ: “В те времена повсюду висела реклама: “Нигде, кроме как в Моссельпроме”. А ее автор Владимир Маяковский иногда выступал перед студентами ВЛХИ. На-

верняка Магжан запомнил 1 октября 1923 года, первый день на третьем курсе. Вечером в гости к студентам пришли Маяковский, Асеев, Есенин, Шенгели, Адалис и другие поэты. Сохранился газетный отчет: “Маяковский читал “Левый марш”, “Облако в штанах”, “Необычайное приключение”. Аудитория, состоявшая из молодых писателей, студентов литературно-художественного института, - необычайно напряженная и необычайно требовательная. Маяковский неустойчив. Его голос в полном смысле владеет залом. И когда он кончает чтение и садится на свое место, слова просит Есенин. А за ним снова читает Маяковский. Так они состязались в тот вечер... Читали далеко за полночь. Чувствовалось, что и Маяковский, и Есенин не просто “выступают”, не просто “читают стихи”, - они борются за аудиторию, отвоевывая ее друг у друга...” “Любопытно, кому же отдал симпатии Магжан?” - задаются вопросом авторы публикации, тем более, добавим мы к сказанному, что в то время в ВЛХИ учились такие будущие знаменитые поэты, как Михаил Светлов, Эдуард Багрицкий и другие.

И они, смею предположить, тоже слышали, что их наставник Валерий Брюсов назвал Магжана казахским Пушкиным.

Когда в декабре 1923 г. Валерию Яковлевичу исполнилось 50 лет, отмечают авторы публикации, его чествовали в Российской Академии художественных наук и в Большом театре. Литературно-художественному институту присвоили имя его основателя.

В 1927 году Магжан вместе с Зулейхой возвращается в Петропавловск, чтобы отдать всего себя педагогической и творческой работе, еще не зная, какие тяжелейшие испытания ждут его на родине.

И ЧУДИТСЯ МНЕ АННА КЕРН

Целуй же, милая, еще раз и еще,
Целебный теплый яд потек в крови,
Минуты этой прелести я не отдам
За трон царя, богатство всей земли.

Магжан ЖУМАБАЕВ

Кто же стал источником удивительной силы любви, очарования, вдохновения поэта?

Еще Бибизайып-апа во время нашей встречи в Сарто-маре рассказывала о том, как поэт любил свою жену-красавицу Зейнеп, племянницу Чокана Валиханова, на которой он женился в 1918 году. Она была человеком доброй души, глубоко ценящей благородство и любовь Магжана, который был счастлив в браке. Не случайно, когда поэт с семьей жил в Омске, он открыл курсы по подготовке учителей-казахов и был их директором. Позже курсы заложили основу Петропавловского педучилища. Но счастливая семейная жизнь Магжана продолжалась недолго.

Зейнеп умерла 10 февраля 1919 года во время родов. Родившийся ребенок по имени Граждан остался сиротой. Это имя (вероятно, от того, что он родился в годы гражданской войны) дал ему сам Магжан. Однако сын Магжана умер от воспаления легких уже через 9 месяцев. Испытав глубокое потрясение, Магжан написал стихотворение "На надгробье младенца". Педагог и поэт, наш давний автор Аскат Сагандыков, пишущий стихи на русском языке и отлично знающий родной язык, на мой взгляд, довольно удачно перевел это стихотворение.

**О дитя не скорбите, родители,
Ввергнуть в горе он вас не хотел,**

**В небесах, в вечной пашей обители,
Вам готовить места улетел.**

**Нет, не умер - оставил он Землю,
Не горюйте, что светоч угас:
То земного греха не приемля,
Он в раю ждет, родители, вас.**

Любимой жене Магжан посвятил стихи “З-гы”, “Свою любимую целую во сне” и др.

Но прежде несколько слов о самой Райхан Жумабаевой. Недавно вышла в свет книга “Страницы трагических судеб” (Алматы, “Жети жаргы”, 2002 г.), где она пишет:

“Магжан Жумабаев - родной брат моего отца Калижана. Я родилась в 1934 г. Естественно, знала о нем только из рассказов моего отца, его родных братьев Мухамеджана, Салимжана, двоюродных - брата Нурмагамбетова Сергазы и сестер Бибизайып и Райхан, а также от брата Бибизайып - многострадального поэта Хамзы Абдуллина и др.

Облик Магжана в их рассказах соответствует описанию поэта Владимира Шестерикова: “Его называли казахским Пушкиным, сравнивали с Байроном и Шекспиром, говорили, что внешне он чем-то даже похож на Сергея Есенина - то ли волнами вьющихся волос, только не русских, а черных, как смоль, то ли открытой, как североказахстанская степь, и распахнутой навстречу самой жизни искренностью в глазах, только не синих и озорных, а темных, как степная ночь, и, кажется, чуть подернутых дымкой печали, что по утрам таяла над войлоком юрт его родного аула, то ли по-есенински пронзительными до слез, полными глубочайшего лиризма стихами, музыка которых понятна душе”.

И мне хочется от всего сердца поблагодарить Райхан

Калижановну за эти добрые слова, которые очень важны для меня именно потому, что Магжан может служить и для своих современников, и для многих других поколений, выражаясь словами из любимой им “Песни о Соколе” М. Горького, призывом гордым и смелым к свободе и свету.

И ее исповедь - еще одно свидетельство соколиного полета его таланта, его трагической судьбы.

Думается, читатели воспримут ее по достоинству, тем более что зарисовки о Магжане хорошо дополняют вышеприведенный мной рассказ Бибизайып-апы и поэта Хамзы Абдуллина о генеалогическом древе рода Жумабаевых, судьбе родственников репрессированного поэта.

Из нее, этой самой исповеди, мы более подробно, чем в рассказе Бибизайып-апы, узнаем об отце Райхан, родном брате Магжана Калижане. Скрываясь от грозного молоха репрессий, поразившего большинство родных опального поэта, он вместе с младшим братом Сабыржаном, боясь оставаться на одном месте, постоянно кочевал по России, Киргизии, Узбекистану. Затем, изменив фамилию на русский лад, окончил один из финансовых институтов в РСФСР. Работал главным ревизором Министерства финансов Казахской ССР. Опасаясь, что его признают братом Магжана, переехал в г. Фрунзе, где работал начальником аптекоуправления. Там и умер. Из повествования Райхан Калижановны мы узнаем, что ее отец, как и Магжан, был очень красивым человеком. Летом одевался во все парусиновое, любил белоснежные манишки, на носу - пенсне с цепочкой, в руках, даже без надобности, - изящная тросточка и прочие атрибуты сноба. Киргизы, пришедшие на его похороны, говорили: “Умер наш “Чехов”.

Судьба братьев Магжана не могла не отразиться на их детях. Все они сполна испытали, что значит быть “отпрысками врагов народа”. Горько читать, как шестимесяч-

ную Райхан увезли из г. Петропавловска и какие мытарства она потом испытала. Шести лет отроду (подумать только!), она, голодная, полураздетая, собирала с другими детьми колоски в мерзлой земле, которые потом высушивали, отделяли от плевел зерна и до утра мололи на ручной мельнице. А очереди за куском хлеба, а буржуйки, а страшная завшивленность! Невольно пропускаешь через сердце душевную боль Райхан Калижановны, когда она вспоминает, как в 8 лет продавала лепешки на вокзале, ездила на поезде на ст. Коломзино и, расстелив полотенце, продавала чай, в 12 лет - зеленый лук, который никто ни разу не купил. А еще о том, как постоянно не покидало ее ощущение какой-то заброшенности, глубокой тоски и скорби, как в 1955 г., когда у нее уже было двое детей, случайно встретила отца и много узнала от него, чем можно по-настоящему гордиться: о жизни родных, о дяде Магжане, который, как многие другие известные и великие поэты, искренне влюблялся и был любим самыми красивыми женщинами.

О необыкновенной любви Магжана к Гульсум, ворвавшейся к нему, выражаясь словами Райхан Жумабаевой, неожиданно и нечаянно, ей поведала его двоюродная сестра Жамал Тастемирова-Бердыходжина, передававшая по просьбе Магжана записки его возлюбленной.

И, пожалуй, только покоровшая его сердце глубокая и сильная любовь к Гульсум, которой он посвятил полные нежности и восхищения стихи, позволила пережить ему неизбывное горе.

Тут мне хочется сделать небольшое отступление.

В канун 100-летнего юбилея Магжана к нам приехала группа известных поэтов из Алма-Аты. В местной телестудии был организован “круглый стол”, на который был приглашен и я. На нем говорили о жизни и творчестве Магжана, звучали его стихи на казахском и русском языках.

Когда на родном языке Магжана зазвучали стихи “Гульсум-ханум”, я был буквально очарован красотой казахской речи, поистине фетовской аллитерацией. И мне очень захотелось попытаться перевести эти стихи на русский. Спасибо журналисту Дюсену Аульбекову, отлично владевшему как родным языком, как и русским, знакомому с арабским. Он сделал подстрочник. Так родился этот перевод, который, разумеется, отнюдь не претендует на то, чтобы соперничать с другими. И тем не менее мне хочется привести его здесь:

**Глаза верблюжонка, волшебная речь,
Гульсум-ханум, жду, как с зарей,
с тобой встреч,
Чуть взор мой столкнется с твоим вдруг, Гульсум,
Смятение в сердце своем я нес.**

**Глаза верблюжонка, волшебная речь...
Летающая пламенем, можешь ты сжечь,
Влюбляя в себя,
Словно солнце блеснув,
Улыбкой лучистой и милой, Гульсум!**

Разумеется, я заинтересовался волшебной музой поэта, его возлюбленной Гульсум, о которой мне впервые поведала еще Бибизайып-апа. Но обстоятельно и достоверно узнал о ней из недавней публикации в “Просторе” (№12, 2002 г.) племянницы Магжана Райхан Калижановны Жумабаевой, являющейся председателем общественного фонда его имени.

Из публикации Р. Жумабаевой мы узнаем, что Гульсум (Уммугульсум) Камалова (1899-1957) была младшей дочерью видного татарского религиозного и общественного

деятеля второй половины XIX века Закира Ишана Камалова. Родилась в Чистополе, в раннем детстве осталась без отца. Большая роль в ее дальнейшем воспитании принадлежит ее брату Ибрагиму Камалову. Начальное мусульманское образование получает в женском медресе "Амирхания" (Чистополь), затем учится в женской гимназии Чистополя, женской гимназии Котовой в Казани. В 1911 году поступает на Высшие (Бестужевские) женские курсы в Санкт-Петербурге. Это было высшее женское учебное заведение Петербурга, учрежденное в 1878 году кружком прогрессивной интеллигенции во главе с профессором Бекетовым, со словесно-историческим и физико-математическим факультетами. Свое название они получили по фамилии руководителя курсов - профессора русской истории К.Н. Бестужева-Рюмина. В 1886 году курсы, как и другие женские учебные заведения, были закрыты и возобновили свою деятельность лишь в 1890 году. После Октябрьской революции слились с Петербургским университетом.

В период учебы на курсах, рассказывает далее Райхан Калижановна, Гульсум пользуется популярностью среди татарской молодежи. Ею был увлечен также татарский писатель и общественный деятель Гаяз Исхаки.

С началом войны на Балканах (1912 г.) с группой татарских девушек в качестве сестры милосердия по призыву правительства Турции Гульсум уезжает в турецкую армию, пишет репортажи в татарскую прессу и активно публикуется.

Около 1913 года возвращается в Казань, выходит замуж за симбирского фабриканта Габдуллу Акчурина, брат которого Жусуп был известным политическим деятелем в Турции. После революции имущество Акчурина национализируется, сам он умирает в 1933 году. А как же дальше сложилась судьба Гульсум? "Как классово чуждый эле-

мент” советской власти. она долгое время не могла трудоустроиться. До 1941 года проживала в Ленинграде. Впоследствии переехала в Оренбург, а с конца 40-х годов жила в Казани, где умерла и похоронена.

О создании стихотворения “Гульсум-ханум” Асгат Сагандыков, знакомый с казахскими источниками, поведал мне историю любви поэта, рассказанную Р. Елеукиной в газете “Солтустик Казакстан”.

В 1920 году Магжан работал и директором, и преподавателем курсов учителей, которые “переехали” из Омска в Петропавловск. В это же время переехал в Петропавловск бывший фабрикант и купец Акчурин со своей молодой женой Гульсум, которая стала преподавателем математики на курсах, которыми руководил Магжан.

С самого первого дня Гульсум обращает на себя внимание Магжана красотой, гордым характером. Однажды Магжан вошел в учительскую и увидел ее одиноко сидящей за столом. Она и бровью не повела, увидев его. Удивленный Магжан сел напротив. Только собрался было обратиться к ней, как вошла техничка: “Гульсум-ханум, вас зовут к телефону”. Магжан после ее ухода увидел на учительском столе оставленную ею тетрадь и на одной из ее страниц набросал свое стихотворение из восьми строк. Через некоторое время Гульсум вернулась и сказала: “Господин Магжан, меня зовут и я с вашего позволения пойду”. Наутро, когда Магжан, идя по коридору, встретил Гульсум, она первой обратилась к нему: “Здравствуйте, господин Магжан!” - и прошла дальше. В тот же день после занятий Магжан подошел к Гульсум: “Можно вас проводить хотя бы немного, с полдороги”. Ответом было: “Нет, господин Магжан, уж проводите до конца пути”. Позже возлюбленная Магжана пишет ему ответ в стихах:

**“Властитель сердец огненный!
Перенеси своим светом
В другой мир,
Скорее, моя волшебная звезда!”**

(Подстрочник А. Сагандыкова)

А я читаю полные сокровенных чувств стихи Магжана, посвященные Гультум, и невольно приходят на память чарующие пушкинские строки:

**Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.**

И чудится мне образ Анны Керн.

ЛЕТЯЩЕЕ ПЛАМЯ

**Слышишь, судьба, не хочу подаяний!
Полною мерой отмерь мне страданий,
Жги на огне, в три погибели гни!
Если народ разбужу я стихами,
Горе отступит, и жаркое пламя
Высушит слезы, к чему мне они.**

Магжан ЖУМАБАЕВ

Я часто прохожу по большой красивой площади на пересечении улиц Интернациональной и Жумабаева, на которой возвышается трехметровая гранитная скульптура поэта. Иногда просто останавливаюсь и всматриваюсь в творения рук известного мастера из Алматы М. Айнекова, изобразившего Магжана в задумчивой позе, с устремлен-

ным вдаль взором, с соколом на плече, который, кажется, вот-вот взлетит в поднебесье, расправляя крылья.

И приходит на память эпизод, когда мы вдвоем с журналистом Виктором Вихляевым мчались на его стареньком “жигуленке” в сторону нашей общей с Магжаном родины, где проходили юбилейные торжества, посвященные 100-летию со дня рождения поэта.

Оставалось несколько десятков верст до Полудина, где родился Виктор, как мы заметили, что впереди нас вдруг посыпались искры из вихляющей из стороны в сторону и наполненной соломой тракторной тележки, которую тащил, кажется, оранжевый богатырь К-700.

Виктор среагировал моментально, опередив тракторного гиганта, преградив ему дорогу и в одно мгновение с помощью самого хозяина - чумазого тракториста отцепив тележку. Не прояви он столь нужную в подобных ситуациях решительность - быть в степи беде, тем более августовский день был жарким и сухой ветер словно подгонял и раздувал рвущийся на волю огонь.

Мне кажется, что это ЧП, происшедшее именно в тот день, когда на родине поэта собрались на юбилейные торжества сотни людей, впервые в полный голос зазвучала огненная муза Магжана, стало своего рода знаменем.

Вначале она мерцала, как та свеча в буранной ночи, как загадочная звезда в поднебесье, постепенно вырываясь на волю, затем, обретя крылья свободы, вспыхнула и превратилась в летящее пламя, озаряя собою людские сердца.

И можно понять мои чувства и мысли, которыми я поделился в нашем юбилейном номере газеты с читателями в публицистической статье: “Не бронзы многопудье”.

Когда-то мы мечтали о создании в родном крае, щедром не только на хлеб, но и на песни и легенды, сложенные замечательными акынами-импровизаторами, заповедной

литературной зоны, чтобы к нам, в Северный Казахстан, на родину замечательных мастеров Сабита Муканова, Габита Мусрепова, Ивана Шухова (а теперь среди классиков казахской литературы засияло имя Магжана Жумабаева) приезжали отовсюду, как в пушкинское Михайловское, толстовскую Ясную Поляну, есенинское Константиново, блоковское Шахматово...

И как было не порадоваться тому, что в Петропавловск, “стольный град” Северного Приишимья, где пересеклись древние караванные пути Запада и Востока, “прибыли все флаги - в гости к нам” из ближнего и дальнего зарубежья, чтобы разлиться затем в бесконечно голубом небе старого живописного урочища Сасыкколь, где родился самобытный казахский поэт, по неповторимости таланта сравнимый со звездами первой величины в поэзии Востока, выдающийся просветитель (знаменитый русский путешественник Григорий Потанин, проводший, кстати, часть своего детства в Пресновке, назвал его Чоканом Валихановым своего времени), педагог, человек с понятием незаурядной и трагической судьбой Магжан Жумабаев, в творчестве которого слились два потока культур - европейской и восточной.

И весьма кстати заметить, что на литературной карте республики, где уже нашли подобающее себе место старая станция Пресновка, аулы Сабит и Жанажол, появилось ставшее за последние годы не менее знаменитым урочище Сасыкколь с аулом Сартомар, чтобы стать той литературной “Меккой”, куда будут приходить люди, чтобы поклониться набирающей непостижимую высоту, подобно летящему пламени, магжановской музе.

Я не раз выражал как-то в областной газете не только свое, но и многих других местных литераторов мнение, и теперь не боюсь повториться, что вряд ли где-нибудь еще

найдется такое, как в нашем Приишимье, созвездие ярких литературных имен. Это тем более очевидно, что здесь, в нашем Приишимье, не раз бывал и писал из Петропавловска письма Ф.М. Достоевскому выдающийся казахский просветитель-демократ Чокан Валиханов, что отсюда родом - классики казахской литературы Сабит Муканов, Габит Мусрепов, видный русский писатель Иван Шухов, здесь провели часть детства автор всемирно известной сказки "Конек-Горбунок" Петр Ершов и будущий яркий поэт, чья трудная судьба схожа с трагической судьбой Магжана, Павел Васильев; здесь отбывал ссылку поэт-декабрист Николай Чижов, тянул солдатскую лямку друг Федора Достоевского, поэт-петрашевец Сергей Дуров, вел большую интернациональную работу в дни гражданской войны создатель бессмертного образа бравого солдата Швейка чешский писатель-сатирик Ярослав Гашек, делали первые шаги в литературе Всеволод Иванов и Сергей Марков, и, наконец, здесь пролегли дороги одного из первых переводчиков жемчужины казахского эпоса "Козы-Корпеш и Баян-Сулу" Георгия Тверитина и поэта Баймагамбета Зтулина...

Трудно перечислить все известные и дорогие северо-казахстанцам имена художников слова, связавших свою судьбу с Приишимьем, среди которых люди разных убеждений и национальностей - русские и казахи, татары и немцы, белорусы и украинцы.

Но мы вновь и вновь будем возвращаться к тому, кто по праву это заслужил и выстрадал каждой строкой своей жизни, своих, пребывающих долгие годы в заточении, поэтических творений, которые нам предстоит собирать, подобно драгоценным камням, еще долгие годы.

И надо еще более чутко вслушиваться в звучащую сегодня на разных языках магжановскую музу, чтобы уловить в ней есенинскую искренность, блоковскую выразитель-

ность, фетовское очарование, чему в немалой степени способствовал выход солидного фолианта под названием “Пророк” на русском языке. (Алматы, 2002. Издательский дом “Жибек Жолы”) благодаря президенту ТОО “Жибек Жолы”, известному далеко за пределами Казахстана поэту, пишущему стихи на русском языке, Бахытжану Канапьянову и его поэтической команде.

“Спешу выразить ту непомерную радость, которая связана с выходом в свет сборника стихов Магжана Жумабаева на русском языке под названием “Пророк”, - именно так откликнулся на издание книги наш земляк, замечательный поэт, заслуженный деятель РК Какимбек Салыков. чей отзыв опубликован в областной газете “Северный Казахстан”.

Издание стихов и поэм Жумабаева на языке Пушкина, Лермонтова. Блока, творчество которых он любил и находил в них родственные своим мыслям и чувствам мотивы, отмечал он в своей статье, воистину является уникальным явлением для всех народов суверенного Казахстана. Это праздник для казахской поэзии и прекрасная новинка для читающих на русском языке.

Книгу издатели назвали “Пророк”, и это неспроста. За короткое время - в пределах двадцати лет, после полной реабилитации, творчество Магжана раскрылось во всей полноте. Читатели и исследователи стали все глубже вникать в красоту его поэзии, мыслительную силу творца как одного из основателей современной казахской поэзии, зачинателя педагогической науки, литературоведа и историка. О нем написано немало стихов и поэм. Вышел на экран фильм “Батыр Баян” по одноименной его поэме на героическую тему. Известный литературовед, доктор филологических наук Шерияздан Елеукенов за большой исследовательский труд о творчестве Жумабаева стал лауреатом Го-

сударственной премии. Появились и другие монографии и значительные по содержанию статьи, написано немало диссертаций на основе его творчества.

Книга вообще интересна тем, подчеркивает наш земляк, видный казахстанский поэт, что Магжан в ней звучит на русском языке, заговорил во весь голос на языке братского народа. Мы этим гордимся, выражает свои чувства Какимбек Салыков, радуемся, что это случилось именно в Год Казахстана в России, совпавший со 110-летием со дня рождения великого казахского поэта.

И еще об одном, как мне думается, надо помнить: лучшим памятником большому поэту с трудной и трагической судьбой будет не “бронзы многопудье”, “не еляя море в дни юбилея” (нередко мы все еще подвержены рецидивам старой закоренелой болезни - юбилейщины), а возвращение народу его художественного наследия, раскрытия яркой личности поэта, огненным метеором прочертившего свой след в нашей литературе.

Не могу не согласиться с мыслью Амантая Ахетова, выраженной в его стихотворении “Постаменты”, посвященном Магжану Жумабаеву:

“Незрим постамент у поэта,
Но жить его слову в веках...”

Остается только добавить к вышесказанному, что несмотря на то, что мы теперь уже немало знаем о жизни и творчестве Магжана, познакомились со многими его творениями на русском языке, наш поиск продолжается, и мы будем рады каждому штриху, добавленному к раскрытию его полной драматизма жизни, каждой искорке, которую кто-либо сумеет увидеть в летящем пламени его судьбы.

**МАГЖАН
НА ЯЗЫКЕ ПУШКИНА**

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Магжан Жумабаев на языке Пушкина! Эта ставшая почти крылатой фраза, принадлежащая видному поэту Казахстана, нашему земляку Какимбеку Салыкову, обязывает ко многому.

Богато поэтическое наследие Магжана Жумабаева. Свою первую поэтическую книгу “Шолпан” он выпустил в Казани в 1912 году, спустя всего три года после выхода в свет первого сборника стихов великого Абая в Петербурге.

Вторую Магжан издал в 1922 году в Казани и в 1923 году - в Ташкенте. С тех пор увидели свет многие его лирические стихотворения, читая которые, словно окунаешься в чарующий мир образов, картин, радуго красок, а также крупнейшие эпические и романтические поэмы “Батыр Баян”, “Кобыз Койлыбая”, “Коркут”, “Жусуп-хан” и другие. Жемчужины магжановских творений были рассыпаны в газетах и журналах, издававшихся в Ташкенте, Уфе, Казани и других городах страны, где бывал, жил и печатался М. Жумабаев. Но они, как было уже сказано выше, после того как поэт подвергся репрессиям, были вырезаны, вырваны.

Ныне, когда огненная магжановская лира, излучающая необыкновенную энергию величайшей поэтической силы, вырвалась на свободу сквозь годы мучительного забвения и, как прежде, завораживает и очаровывает читательские сердца, когда его поэзия достаточно широко представлена в разного рода изданиях, а недавно изданная в Алматы книга “Пророк” (Алматы, изд. дом “Жибек Жолы”, 2002 г.) впервые наиболее полно знакомит с его поэзией русских читателей, мы решили в нашем сборнике отдать дань прежде всего первопроходцам - переводчикам магжановской лиры, которые в меру своих сил, возможностей, таланта

старались донести до читательских сердец голос Магжана. исповедь его души, передать одухотворенный мир его поэзии в стихах.

На протяжении более чем десяти лет стихи Магжана, впервые переведенные на русский и разбросанные в различных изданиях (журналах «Дружба народов», «Простор», «Нива», «Заря» за 1988-93 гг.), среди которых следует отметить ведущую роль журнала «Простор» в освоении творческого наследия поэта, в разные годы собирались мной и становились достоянием читателей областной газеты, выходящей в Северном Казахстане - на родине поэта. И теперь мы решили собрать их воедино, чтобы дать представление о первых шагах тех, кто познакомил нас с лирой Магжана, зазвучавшей на языке Пушкина.

Но, разумеется, всем, кто занялся столь благородным делом, стоит помнить слова Зулейхи Жумабаевой из письма Ивану Шухову:

“Переводить Магжана трудно. Он, великий мастер художественного слова, до такой степени национален и своеобразен (сравните стихи Сергея Есенина), что его переводить могут лишь люди, знающие оба языка в совершенстве. Кроме того, поэтический перевод тоже, очевидно, требует больших усилий и главное - таланта”.

Владимир ШЕСТЕРИКОВ

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Ночь. И - буран свиреп...
Мертвая голая степь..
Заметены пути.
Ни огня впереди.
А я все гоню коня
Через сугробы...

Ветер рычит во мгле,
Жметя, как зверь, к земле.
То подползет ко мне,
То замрет в стороне,
То начнет угрожать,
И опять, и опять
Воет от злобы.

Кто-то хохочет в степи,
Кто-то бормочет - спи...
Ветер свистит в ушах,
То нагоняет страх,
То спасенье сулит,
Шепчет слова молитв,
Плачет, тоскуя.

Нет впереди дорог.
Еле в седле сижу.
Холодно мне... Дрожу...
Еле в седле сижу.
Что это там, вдали,
В снежной густой пыли.
Не разберу я...

Мертвая голая степь.
Ночь. И буран свиреп.
Хоть бы где огонек!
Конь совсем изнемог,
Больше и я не могу,
Здесь, в глубоком снегу,
Верно умру я...

Сасыкколь, 1914 г.

ВЕСНОЙ

День настал! Тебе ж все спится,
Озорница... Баловница!
Пробудись, ягненок мой,
Сон стряхни, лицо умой! -
Так Заря будила Землю,
А Земля лежала, дремля,
В блеске утренних лучей.

Вот тихонько шевельнулась,
Потянулась и проснулась.
Только медлит встать, шутя, -
Непослушное дитя!
И щеки ее касаясь,
Мать склонилась, улыбаясь,
И целует горячей.

И, откинув одеяло,
Степь под солнцем засияла,
И бежит вода, звеня,
И смеется в свете дня,
Рассказать о чем-то хочет -
Как ребенок, все лопочет,
Разливается ручей.

Свежею водой умылась,
Празднично принарядилась.
И красуется Земля,
Радуюсь и веселя
Разнотравьем и цветами,
Многоцветными шелками,
Многозвучием речей.

И с нее, своей отрады,
Целый день не сводит взгляда
Солнце - ласковая Мать,
Не устанет обнимать,
Целовать и любоваться -
Им теперь не расставаться
До вечерней темноты!

А у края неба тучи
Шепчут, собираясь в кучи, -
Сочтены, мол, наши дни,
Бесприютны мы, одни,
Нас никто не приласкает,
Видишь, слезы проливают
И роняют с высоты...

1915 г.

Перевод А. Жовтиса

БАБОЧКА

На свече без оглядки
Бьется лета лоскут,
Не считая остатки
Учащенных секунд,

Так медлительно странствие
Над свечою, - но - ах! -
И частичка пространства
Обращается в прах.

Вы, избранники судеб,
Пощадите крыла,
Злата кто не добудет,
Не сходите с ума.

Путь поспешный бесславен,
Очевидное - плен,
Вместо золота - саван
Ты получишь взамен.

ЖИЗНЬ

Туча к туче, черная, как вакса,
Гром гремит, вселяя страх: молчи!
Небосвод пригнулся и напрягся.
Хлещут воздух молнии-бичи.

Все взлохматил ураган в округе,
Сверху льется черная вода.
Все живое бегаёт в испуге,
Прячется повсюду кто куда.

Только вдруг из области заочной
Вышел свет, а страх пропал во мне.
Снова солнце озарило почвы,
Временно сокрытые во тьме.

Золотые облака разъяты,
Там, где ветер выл, покой повис.
Нежные степные ароматы.
Пенье птиц связует верх и низ.

Плыли тучи, и дожди стучали.
А теперь иная полоса.
Если мы устали от печали, -
Душу просветляют небеса.

БЕРНИЯЗУ

**...погиб в крови,
и успокоилась душа беспокойного.**

Жизнь - степь, и в ней поэт - ребенок.
И душа блуждать ему велит.
Словно шелест пенистых оборок,
Жизнь его займет и усыпит.

Старика тоскливые советы
Мне напоминают океан,
В глубине скрывающий предметы,
О которых смутный образ дан.

А на дне Дарьи есть шесть десятков
Белых юрт на золотых шестах,
Шелковые пологи и гладкий
Голос - баю-баю на устах.

Там сомнамбулические орды -
В седлах колыхающийся хор,
Смехом колдовским заводят воды,
Пена - как стада сбегают с гор.

День ли, ночь - не помню, все
возможно...

Но сошлись здесь вечные враги,
Замерли в молчании осторожном,
Став на расстоянии руки.

Жизнь и смерть - два полюса
бескрайних,

Оба повстречались на меже.
И явился им на поле брани
Юный воин с пламенем в душе.

Он увидел зло и в том, и в этом,
Две огромных цели свинца.
Только отскочила рикошетом
Пуля и убила молодца.

Два врага свидетелями были,
Как судьба себя нашла сама.
-Одержим. - со смехом говорили, -
Или вовсе выжил из ума.

Не пугайся мыслей ядовитых,
Ты воспой печаль свою, но так,
Чтобы тайны сами на орбитах
Выплыли к тебе, рассеяв мрак.

Жизнь и смерть в борьбе непримиримы.
Только песнь роднит их, только стих,
Надо, прежде чем сразиться с ними,
Петь, созвучьем связывая их.
Я жалею о судьбе поспешной,
В мире многое сближало нас.
Ты - поэт блуждающий и грешный,
В будущее шел ты и - погас.

Без стыда он крутит вертел...
Остается у меня
После ночи только пепел,
Только пепел без огня.

ЛУЧ

Долгою была разлука,
Вот и встретились они
И поведали друг другу,
Как в былые жили дни.

Пережитые печали
Привели под этот кров.
И глаза их засияли,
И все меньше, меньше слов.

Губы в жажде раскрывались,
И тела сплетались их,
И в единый мир сливались,
Что был создан для двоих.

Ветерок ли бился ранний
Взмахом легкого крыла? -
Но от близости дыханий
Их растаяли тела.

Как безжалостная память
Выдаст тайну дней былых,
Так невидимое пламя
Лица пожирало их.

И сгореть, и кануть в бездну -
Только бы всегда вдвоем...
Но сверкнуло, словно перстнем,
Солнце яростным лучом.

Сон исчез, что враг в тумане,
Затерялся среди круч.
И она еще в обмане,
В опьяняющем дурмане,
Сожалеет, что все канет,
Что всему виною луч.

А в тюрьме в одной из камер
Рады этому лучу.
По стене скользнул и замер.
И за ним следят глазами,
Словно он сродни ключу.

Перевод
Бахытжана Канапьянова

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

Слышишь, судьба, не хочу подаяний!
Полною мерой отмерь мне страданий,
В огненном вихре сжигая дотла.
Пусть этот вихрь мое тело корежит,
Испепелит, до золы уничтожит, -
Так, чтоб из глаз моих соль потекла.

Волю мою ты повяжешь тюрьмою -
Я свое горе слезами омою.
Будешь пытаться ты разлукой меня -

Глаза верблюжонка, волшебная речь...
Летающая пламенем, можешь ты сжечь,
Влюбляя в себя,
Словно солнце блеснув,
Улыбкой лучистой и милой, Гульсум!

ЭЙ, САРСЕМБАЙ!

Эй, Сарсембай, коня поторопи!
Без этой вот предзаревой степи
С мое пожить попробуй!
Чу! Чу! Ну, что ж ты, подстегни коня!..
Я в городе не прожил бы и дня,
Когда бы не учеба.

Ты на него, оборотясь, взгляни:
Горе подобен, чудищу сродни.
Лежит он в шуме, гаме.
Ночь и туман колышутся над ним,
Дыхание его - огонь и дым,
В глазах не меркнет пламя.
Громкоголосый, что ни слово - яд,
А воздух?! Как вдыхал я этот смрад?
Не задохнулся - выжил!
Да не смотри ты! Что смотреть туда?
Когда ж аул покажется, когда?!
Эй, Сарсембай, гони же!

У женщин на уме один лишь блуд.
Потягиваньем в сети завлекут,

Повиливаньем зада.
Ну, а мужчины - жизни нет ни в ком,
Как будто в этот город прямиком
Пришли они из ада.
И не горит огонь в душе у них,
Лишь об еде заботы все, - иных
Желаний нет в обжорах,
Исчадья ада, дети тьмы ночной,
Они не знают радости иной,
Чем жить в вонючих норах.

Для них, слепцов, и небеса пусты.
А нам мигают звезды с высоты,
Луна свой лик не прячет.
Как в городе мечталось о степи! .
Лошадку. Сарсембай, поторопи!
Да не жалея ты клячи!!!

Иль сон сморил тебя? Проснись,
встряхнись!
Спой от души. Рванется песня ввысь.
Услышат звезды пенье...
Гони, спеши! Ведь там аул, родня!..
Не то, ей-богу, сердце у меня
Сгорит от нетерпенья!
Когда к груди прижму степной простор,
Волной озерной утолю свой взор,
Тогда душой воспряну.
В Сары-Арке ветра - шелков нежней,
Я их люблю и до скончанья дней
Любить не перестану.

Да не молчи же ты в конце концов!
Ужель не видишь, что земля отцов
Все ближе к нам, все ближе!
Все дальше город... Не гляди туда!
Когда ж аул покажется, когда?
Ну, Сарсембай, ну, милый мой, гони же!

Омск, 1916 г.

Перевод с казахского Л. Степановой.

Примечание. По воспоминаниям отца народного артиста СССР Еркебаева аксакала Бекмухамеда, он вместе с юным Магжаном Жумабаевым учился в медресе в Петропавловске. Перед кашкулами отец Магжана Бекен присылал за шимми своего кучера Сарсембая. Стихотворение написано в один из таких приездов в родной аул. Осенью 1910 года вместе со своим школьным другом Бекмухамедом Серкебаевым он приехал в Уфу и поступил в знаменитое в ту пору медресе “Галия”.

СОЛОВЕЙ

Так выводил свое ты соло,
Так тонко чувства выражал,
Что брал восторг, бросало в холод
И в забытье, в озноб и в жар.
Когда поешь ты, то в сторонку
Слетают, пение свое
Оставив,
даже жаворонки,

Плоть от плоти. я с тобою...
Ты вместила целый мир,
Без тебя мне свет не мил,
Нет мне места под луною.

Не забыть озер мне тихих,
Где я днями пропадал,
На двухлетке злой и дикой
Эту степь я объезжал.

Как ее я ни аукаю,
Юность спряталась в туман,
Но пускай меня баюкает
Вместе с ней алтыбакан.

Мы судьбе подвластны, - знаю,
Но и в дальней стороне
Будет родина степная,
Как березка, жить во мне.

Перевел
Владимир Шестериков

СЛОВО ХРОМОГО ТИМУРА

-Скажи, каков же наш мир?
-Величиной он с ладонь!
Разным богам не дано
Зажигать здесь общий огонь.
Небеса для Тенгри зажгу,
И пусть правит царством своим!
Бог земли - это я, Тимур,

На земле нет места двоим!
Безроден владыка небес.
А суть его - прах. лишь тронь!
Владыка земли Тимур.
Родом тюрок, сутью - огонь!

ЛЮБЛЮ

Погас седин белый свст
Золою на склоне ста лет.
Склепы глазниц мрак хранят;
Потупя взгляд. сжав уста,
Гнется. четками занята.
Вздыхает тяжело, видя меня.
То мать - старушка моя.
Что же такое с нею делю?
Не знаю. Просто ее люблю.

Где в глазах глубины небес?
Сладостный звук на губах исчез.
Даже в объятиях строга -
Не изовьется. не задрожит:
Дух Корана в речах изжит,
Все ее мысли - у очага.
Эта дикарка - моя жена.
Что же такое с нею делю?
Не знаю. Просто ее люблю.

Лицо, опухшее ото сна,
Из-под шапки чуть бровь видна.
Спутница вечная в жизни - лень;
Обычай предков велит гуртом
Бродить по степям за своим скотом,

С ним то пастись, то дремать весь день.
Это Алаш, мой народ.
Что же такое с ним делю?
Не знаю. Просто его люблю.

Пляшут в воздухе миражи.
Уныло воеет ветер, кружит.
Саван года то желт. то бел:
Зим и лет пустой хоровод -
Нет ни гор, ни лесов, ни вод.
Только камни, как серый мел.
То земля моя - Сары-Арка.
Что же такое с нею делю?
Не знаю. Просто ее люблю.

Перевел Владимир Акимов

“БАТЫР БАЯН” ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

Лучшая из поэм, принесшая поэту всенародную известность, поэма “Батыр Баян” написана в 1923 году и в том же году впервые издана в журнале “Шолпан” в г. Ташкенте.

Основанная на народных легендах, поэма повествует об исторических событиях второй половины 18 века. Главные герои поэмы - батыр Баян и хан Абылай, другие батыры и бии - исторические личности, оставившие яркий след в освободительной борьбе и становлении единого Казахского государства.

Батыр Баян из похода на джунгар привозит юную пленницу. Ослепленный ее красотой, он влюбляется в джунгарку, но строптивая пленница противится его чувству. Благородный батыр, уважая ее чувства, остав-

ляет ее у себя в качестве названной сестры.

Между юным Нояном, братом батыра Баяна, и джунгаркой вспыхивает взаимная любовь. Пленница уговаривает Нояна бежать с ней на ее родину и там соединиться узами брака.

Батыр Баян настигает беглецов в местности Жолдыозек. Это пойма исчезнувшего ныне русла, соединявшего некогда цепь озер на территории Северо-Казахстанской области. Роковая встреча происходит неподалеку от аула Аратагани.

Ослепленный чувством ревности, в ярости от предательского поступка Баян убивает юных влюбленных.

Хан Абылай собирает войско против джунгар, вновь вторгнувшихся в страну. Поход задерживается из-за отсутствия любимого батыра хана - Баяна. Наконец, он появляется и, не объясняя свою задержку, встает под знамена хана. Встреча двух войск происходит у озера Балхани. Увидев крупное войско казахов во главе с легендарным ханом и именитыми казахскими батырами, джунгары предлагают дело решить миром и без боя покинуть чужую страну. Абылай принимает их условия. Баян не соглашается с ним. Раздираемый чувством отчаяния и боли из-за собственноручного убийства самых дорогих ему людей, оскорбленный за честь Родины, он с сотней своих воинов бросается вслед уходящим джунгарам и героически погибает в неравном бою. Поэма заканчивается на оптимистической ноте, утверждая, что героизм и подвиги батыров во славу Отечества не будут забыты.

Главный герой поэмы - батыр Баян из рода Уак, родился в долине реки Обазан между нынешними Костанайской и Северо-Казахстанской областями. Примерные годы его жизни 1714-1759. Его потомки живут

*ныне в бывшем совхозе “Карагандинский”, городе Булае-
ве нашей области.*

*В приводимом ниже переводе зачина поэмы, кото-
рый я попытался перевести на русский язык, поэт
объясняет причину своего обращения к далекому прои-
шлого наших предков.*

Слышишь, сердце, я в печали, в ранах.
Злыдня-жизнь тюрьмою стала новой.
Где душа горит в закатах алых,
Где не руки - мой язык в оковах.

Утомленный жизнью окаянной,
В старину, как в сказку, я уйду.
Может, ключ загадки, как ни странно,
В дивных временах я тех найду.

Может, в думах о далеком прошлом,
Я смогу себя в том убедить,
Что нас жизнь отравою нарочно
Учит ненавидеть и любить...

А поэт - ну чем он не ребенок,
Что руками тянется к Луне.
Сказкой убаюканный с пеленок,
Что же ищет в жгучем он огне?

Ровен след у серости по жизни -
За поэтом след - кровавый ров.
Вложит он в поэму или в тризну
Слезы, боль, надежду и любовь.

И из этого не выйти ему круга,

Одинок поэт в людском миру.
Поверяя тайны свои другу -
В вечности парящему перу.

Перевел Аскат Сагандыков

ПРОЗА ПОЭТА

Как и многие выдающиеся мастера художественной литературы, Магжан проявил себя не только в поэзии, но и в других жанрах - прозе, публицистике.

На высоком художественном уровне написаны его рассказы и повеллы, не говоря уже о замечательных образцах переводов на казахский язык произведений классиков русской и зарубежной культуры. В Москве им были переведены и изданы "Песня о Буревестнике" М. Горького, "Белый конь" Мамина-Сибиряка, рассказы Всеволода Иванова, написанные о жизни казахов.

В этом разделе мы предлагаем читателям познакомиться с прозой М. Жумабаева. "В своем рассказе "Грех Шолпан", - говорится в аннотации к рассказу, опубликованному в журнале "Простор" (1992 г., №№ 11 - 12). - Магжан Жумабаев поведал нам историю женщины, которая ради своей любви к мужу изменяет ему и заставляет нас задуматься над вопросами чести, любви, долга, верности. Если Абай устами пушкинской Татьяны впервые дал возможность девушке-казашке говорить о своих переживаниях, то Магжан языком прозы сумел донести до нас самые глубокие психологические переживания, эмоционально пробудить в сердце читателя жалость и сострадание к несчастной Шолпан. Для Магжана нет ничего выше и достойнее любви, а героиня его рассказа своей смертью искупает право на любовь, право на материнство, право самой выбрать путь любящим и нежным сердцем".

ГРЕХ ШОЛПАН

(РАССКАЗ)

ГЛАВА I

В первый год после замужества в разговорах с молодухами Шолпан притворно поддакивала им: “Да, конечно, без детей нет радости в жизни”.

Но на самом деле Шолпан, вышедшая замуж по любви, что было редкостью в те годы, совсем не помышляла о ребенке. И нежась одна в постели или в объятиях мужа, она твердила про себя: “Создатель, не обременяй меня материнством”.

Не то чтобы Шолпан не любила детей, вовсе нет. “Пойдут дети, и конец счастливой моей жизни, - думала она, - и любовь наша, такая пылкая и горячая сейчас, остынет, увянет”. Много дней и ночей ее единственной просьбой в молитвах было одно: “Господи, не обременяй меня материнством!”.

Когда занималась заря и люди, скрестив руки и падая ниц, просили у Бога кто счастье, кто покой, кто богатство, а кто детей, Шолпан, вздыхая, умоляла создателя об одном: “Не посылай мне ребенка!”.

Неизвестно, действительно ли создатель внял мольбам неразумной женщины, кто знает, но прошло три года, а Шолпан оставалась бездетной, чему была несказанно рада.

Любовь мужа к ней не остывала, им было хорошо вдвоем, и причину этого Шолпан, конечно же, находила в том, что у них нет детей. Да и муж ни разу за три года не заговорил о ребенке; казалось, кроме горячих нежных объятий, ему ничего не надо. Вся жизнь для него была заключена в Шолпан.

Но душа человеческая потемки: что таилось в глубине души Сарсенбая, какие мысли, желания лежали на дне ее - неведомо. Во всяком случае для Шолпан не было сомнения, что муж счастлив и доволен их бездетной жизнью. Тем более что за три года она не слышала от него ни слова упрека. А Шолпан, влюбленная и любимая, слышала только мужа, пересудам же остальных не придавала никакого значения.

Дни проходили за днями, год сменялся годом, а Шолпан все была счастлива и жила только для Сарсенбая.

Но в самой природе, в человеческой жизни, в мыслях не может не быть изменений. Беда может нагрянуть сразу, неожиданно, как неожиданно вдруг наступает осень, в одну ночь заливая поля холодным дождем.

Вот так же неожиданно омрачено было безоблачное счастье Шолпан. Это случилось в один из долгих зимних вечеров. Ее благоверный, напоив и накормив скотину во дворе, ушел посумерничать к своему приятелю Нуржану, женившемуся лет пять назад. У него было трое детей: два сына и дочь.

Сарсенбай засиделся в гостях у Нуржана. И причина была вовсе не в долгой и приятной беседе, а в веселой возне и проказах ребятишек, за которыми с удовольствием наблюдали взрослые. Вначале два сына пробовали петь, картавя и путая слова. Потом, засучив рукава, поплевав на ладони, важно надувшись, схватили друг друга за руки, решив померяться силами, но, одновременно споткнувшись, растянулись на полу. Взрослые подняли ребятишек и, лаская и щекоча, расцеловали их. А старый дед, отец Нуржана, подозвал одного из внуков и облобызал его, начиная с пяток. Но больше пленила всех маленькая дочка Нуржана, проделкам которой не было конца.

Так и просидел Сарсенбай в доме Нуржана, за общим

весельем и шумом не заметив, как прошло время.

Шолпан уже легла, когда пришел Сарсенбай, но, дожидаясь его, не могла уснуть. Муж улегся рядом и начал весело рассказывать про детей Нуржана, где-то между словами вставив поговорку: “Дом с детьми базар, без детей мазар”. Шолпан вздрогнула. Она вдруг ясно поняла, что все три года напрасно радовалась своей бездетности; поняла, что любовь не может длиться вечно и любовные ласки постепенно остывают. И тогда ее с Сарсенбасм будет связывать только ребенок, плод их любви, знак горячей привязанности друг к другу. Сарсенбай, смеясь, еще долго рассказывал про шалости ребятишек. Шолпан тоже смеялась вместе с ним, но вся трепетала от мыслей, которые черными змеями заползали в душу и жалили ее. Они, эти мысли, как волны седого моря, одна за другой накатывались на нее, оставляя горький след.

Как легкомысленна была Шолпан три года, день за днем отрекавшаяся от ребенка. Одинокая старость замаячила где-то вдаль. Старость, хмурая, как осень, с потухшими глазами, обратившимися в серый пепел. Старость, бескрылая, жалкая, без любви и огня.

Разве возможно продолжение жизни, если нет дитя? Если нет у тебя ребенка, как нет в гниющем зерне семени, которое потом прорастает. Кто займет твое место в этом бренном мире? Ах, нет! Старость еще далеко, да и неизвестно, доживем или нет до нее, а вот как быть, если чувствуешь, что уже сейчас жизнь становится бессмысленной и пустой?

Казавшейся ей вечной великой силы любви, связавшей ее с мужем, хватило только на три года. И она сама чувствует теперь, что ослабевает их страсть. Как была неразумна Шолпан, все три года боявшаяся, что ребенок будет помехой в их супружеском счастье. Теперь она видит, как разру-

шается сказка, придуманная ею, и она остается одна в этой постылой жизни.

Вот о чем думала Шолпан, вот какие мысли, как волны седого моря, заливали ей душу. Сарсенбай давно уснул. Но не в силах смежить усталых век Шолпан. Нескончаемо длится ночь, и чем гуще надвигается темнота, тем чернее и безрадостнее мысли бедной женщины.

Едва только занялась заря, Шолпан, приподняв голову, с трудом сдерживая рыдания, еле слышно пробормотала: “О создатель, пошли мне дитя!”.

ГЛАВА II

С той памятной ночи Шолпан только и думала о ребенке. Во сне ли, наяву ли твердила она пересохшими губами, зывая к создателю: “Пошли мне дитя!”. Но день проходил за днем, месяц за месяцем, а ожидания Шолпан были напрасными. Сколько бессонных ночей провела она, проливая горячие слезы. Жизнь казалась ей безрадостной, серой, сердце ее устало ждать и надеяться.

Шолпан стала вдруг набожной, совершала омовения, читала молитвы. Перед восходом солнца поднималась она и, перебирая четки, склонялась в утреннем намазе.

Но ребенка не было.

Шолпан никому не говорила о причинах своей набожности. Даже самому близкому, Сарсенбаю, не решалась она открыться. Поэтому Сарсенбай, как и все, не мог взять в толк, что происходит с Шолпан. “Ты что, богомолкой хочешь сделаться?” - смеялся он над ней. Постепенно все в округе стали называть ее богомолкой. Смеялись над ней все - от мала до велика. Никто и не пытался узнать тайны такого превращения Шолпан. Но если бы даже и узнали, то не смогли бы понять ее. Невозможно понять до конца

душу другого человека, потому что глубока и темна она. Бывает, что во время сильного шторма море выбрасывает на берег то, что лежит на дне его. Но даже самое сильное горе не всегда открывает человека. Нет в мире ничего загадочнее. Развязка может быть только в смерти - к такой мысли пришла однажды Шолпан, перебирая четки, и сама испугалась своего одиночества. Никто из окружающих не мог ей помочь. Она обречена была одна нести свой крест, ни с кем не деля свои горькие слезы, никому не жалуясь на свою судьбу. Чего только не делала Шолпан ради появления ребенка. Выспрашивала у знахарей заговорную молитву, настаивала в воде бумажки с молитвами и пила ее, преодолевая тошноту и стыдливость, стараясь сесть как можно ближе к святому ходже, чтобы его "священная" слюна попала ей в лицо. Сказавшись больной, лечилась она и у баксы. Все было напрасно.

Хотя Шолпан знала, что небо карает ее за то, что она три года подряд так легкомысленно отрекалась от того, что сейчас составляет ее единственное желание, втайне надеялась она, что создатель не может быть столь жестоко-сердным, видя ее мучения и раскаяния. А может быть, на самом деле он так жесток и непреклонен? Ведь изгнал же он Адама из рая за непослушание. Шолпан знала, что все прежние средства - и приношение жертв, и чтение пятикратного намаза, посты, заговоры - все было напрасным.

Бог не мог или не захотел ей помочь. А жизнь шла вперед, ни на минуту не останавливаясь. Как гигантская машина, не знающая усталости, без остановок и передышек, двигалась она вперед, и под ее колесами оставались чьи-то угасшие надежды, чьи-то разбитые сердца, чьи-то потерянные жизни. Что ей до того? Что ей до бедной Шолпан, до ее кровоточащего сердца, до ее души, сложившей крылья в предсмертном полете? Каждая минута бессмысленно

продолжающейся жизни убивала в Шолпан частицу ее надежды.

Шолпан мучительно искала выхода. С безрассудным отчаянием отрекалась она от своей веры в могущество творца, такого жестокого и неумолимого. Отказалась и от своей набожности, суеверия, заговоров, молитв, шептаний. Она думала теперь о том, что появление ребенка зависит от мужчины и женщины, и что, может быть, в ней еще не проснулась та женщина, которая должна возбудить страсть в мужчине. Она винила себя в излишней холодности, в о образии любовных ласк. И с этих пор, ложась в постель, предавалась любовным утехам с таким огнем, с такой дрожью в теле, с такой силой обнимала Сарсенбая, что у того трещали ребра. Целуясь, она иступленно впивалась жаркими губами в его губы, опаляя его лицо огнем своего дыхания. И Сарсенбай, обессиленный, изнемогший, бывало, недоумевая, шутил: “Ох, вижу я, на старости лет ты решила погарцевать иноходцем!”. От таких слов Сарсенбая терзалось сердце бедной женщины, и по лицу жемчужинами скатывались слезы. Ей было горько и обидно, что самый близкий ей человек не понимает, что с ней происходит, не видит, как она мучается. Не чувствует Сарсенбай, что ради ребенка она отказалась от мирских радостей, сделалась набожной, из-за этого получив прозвище богомолки. И как бы желая, чтобы она страдала еще больше, муж стал называть ее “иноходцем”. Она скрывала свою обиду, но частенько задумывалась, почему Сарсенбай не заговаривает о ребенке, неужели его не терзают мысли об одинокой старости, о продолжении рода? Внезапная догадка обожгла ее. Неужели он... не может быть... Тогда почему же... да так оно и есть... О создатель, причина в нем, в Сарсенбае, в его бесплодии. Значит, все было напрасным: и безутешные слезы, капавшие на молитвенный коврик, и

пылкие объятия, и жаркие поцелуи - все это зря? Мечты о ребенке, ожидание его - все это стало недостижимым. Жизнь представлялась ей теперь высохшим деревом с облетевшими листьями, поникшими голыми ветвями. А что же их любовь? Их медленно угасающая, остывающая любовь, которая когда-то казалась вечной? Если она умрет, погаснет, тогда жизнь потеряет всякий смысл.

Слов нет, Сарсенбай - сухойстой. Он знает об этом, и значит, он страдает вдвойне - от сознания своей вины и от того, что мучаюсь я. Он несчастен, а вместе с ним несчастна я. Что же делать? Кто может нам помочь? Шолпан! Одна ты, Шолпан! Ты должна это сделать ради продолжения рода. Ты должна родить ребенка. Она должна согрешить, грех этот безмерен и велик, но создатель должен простить ее, ведь милостям его нет границ. Бог простит, но простят ли люди?

Укради, но займай много скота.

Согреши, но роди дитя...

Проклятье тому, кто придумал эту пословицу, проклятье! О создатель, прости меня, если можешь. Вот каким грешным мыслям предавалась Шолпан на восьмом году своей жизни с Сарсенбаем.

ГЛАВА III

Аул расположился неподалеку от зимовья. Полуденный час. Легкий ветерок чуть колышет весенние цветы. Мух нет и в помине. Белые облака лениво, чуть подремывая, скользят по небу. Натянув до боли веревки, упрямо взбрыкивают, пытаются вырваться, своенравные молодые жеребцы. Старые кобылы, стоящие около них, иногда поглаживают своими мордами их спины и хвосты. “Жеребенок мой, зачем зря сопротивляться, тебе же больно”, - поучают они неразумных.

Молодая мать, беспокоясь, заходит то с одной, то с другой стороны, как бы спрашивая: “Что с тобой? Что случилось, жеребенок мой?”. Старый мерин, недовольно глядя на обеспокоенную мать, прядает ушами, как бы говоря: “Успокойся, ничего не случится”.

Стадо еще не вернулось с пастбища. Маленькие ягнята, проголодавшись, жалобно блеют в загоне.

Вот в это самое время, нежась и потягиваясь, как кошка, сидела в тени своей юрты Шолпан. Со стороны могло показаться, что она занята шитьем. Но на самом деле Шолпан не до шитья. Вот уже три месяца одолевают ее греховные мысли. Она решила изменить горячо любимому Сарсенбаю. Сегодня он уезжает с ночевкой в город. Нельзя медлить, надо что-то делать, но кого выбрать? Кто может стать хорошим отцом ее ребенку? Конюх Адамкул? С одной стороны, это безопасно, никто не сможет уличить ее в связи с работником: да и он будет молчать. Но каким будет ребенок, родившийся от Адамкула... От раба родится только раб. Нет, ей нужен достойный джигит, а не пресмыкающийся, вечно заискивающий раб. Нет-нет, только не Адамкул. Кто же тогда? Шойбай?.. Нет! Жумагали... Нет! Азимбай... Он сын известных родителей, он молод, здоров, красив. Черные усы, только что пробившиеся, наверное, нежны, как шелк. Ему не больше восемнадцати-девятнадцати лет. Он высок, широкоплеч. Вечно сияющие глаза. А ведь этот Азимбай вот уже три года крутится возле Шолпан, повторяя слова, услышанные им от взрослых парней: желания молодых едины, как узор шелка.

Едва только Шолпан, улыбаясь, вспомнила об этом, из-за угла вышел Азимбай и, поздоровавшись, улегся около своей женге. Как говорят акыны, тайна сердца не может оставаться невысказанной, ее выдадут лицо и глаза. Бедная женщина не знала, куда деваться от стыда. Она то краснела,

то бледнела от мысли, что Азимбай мог догадаться, о чем она думала.

-Ох, женеше, день-деньской не покладая рук работаешь. Что ты шьешь? - с этими словами Азимбай, делая вид, что рассматривает рубашку, ласково ушипнул Шолпан.

-Прекрати, проказник! Какой-то ты странный. Сегодня твой дядя уезжает в город. Ты ведь тоже уезжаешь с ним?

-Дядя уезжает в город? Что ж, женеше, вот уже три года я хожу за тобой, а ты только смеешься. Твое сердце ничем не растопишь, оно безжалостно, как камень.

-Ты снова об этом? Проказник, зачем тебе я? Посмотри, сколько вокруг красивых девушек.

-Не нужны мне эти дурехи. Сердцу не прикажешь.

-Совсем с ума сошел. Разве ровня тебе женщина, вот уже восемь лет делящая постель с мужем.

Говоря эти слова, Шолпан с прищуром, кокетливо посмотрела на Азимбая, как бы испытывая его.

Азимбай, растерявшись от неожиданности, брякнул несуразное:

-Нет, ты мне нравишься. Господи, разве может состариться никогда не рожавшая женщина?

Спохватившись, он осекся. Почувствовал Азимбай, что задел за живое Шолпан, отдалил ее от себя - и не найдя нужных слов, погладил ее круглое бедро. Шолпан убрала его руку и, задумавшись, сказала:

-Может, и правда, что ты меня любишь, но как ты сможешь, согрешив, поглядеть в глаза своему дяде? Ведь даже дети говорят: "Украсть украдем, а что делать с богом?". К тому же ты молод. Язык за зубами не сумеешь держать.

Глаза Шолпан стали глубокими и бездонными. Азимбай, глядя ей в лицо откровенно-бесстыдно, возбужденно заговорил: - Что я, мальчик? Или я враг тебе? Ты еще не знаешь, как я тебя люблю. Сегодня ночью жди меня. До-

вольно ты помучила меня! - Руки Азимбая жадно, нетерпеливо ощупывали тело Шолпан.

-Ладно, хватит, иди.

-Успокойся, вон кто-то идет.

-Дай поцелую!

Ночь ласковая, шелковистая. В небе ни облачка. По черному бархату задумчиво, печально плывет луна. Кого она ищет? Может быть, это женщина, разлученная с любимым? Или это мать, разыскивающая свое дитя? Далеко в зарослях камышей квакают лягушки. "Вак-квак-квак!". О чем они говорят? Шолпан слышится свое: душа нужна, любовь нужна, ребенок нужен. На озере плачет, рыдает иволга: о творец! Какой же страшный грех должна совершить бедная птица, чтобы вот так всю жизнь убиваться?

Шолпан лежит на деревянной кровати. Перед тем, как лечь, она умылась душистым мылом, достала из сундука новую сорочку. Кого она ждет теперь? Конечно, Азимбая. Она, восемь лет прожившая в любви и согласии с Сарсенбаем, теперь хочет изменить ему. Изменить ему ради ребенка. О создатель, прости меня, прости!

Шаги... Отворилась дверь. Азимбай подходит прямо к постели. Шолпан как будто онемела. Сердце забилося, как птичка в силках, готово выпрыгнуть из груди. Тело заледенело. Азимбай, как гончая, напавшая на след лисы, прерывисто и часто дыша, залез к ней под одеяло. Шолпан, нечаянно взглянув на него, ужаснулась - глаза его налились кровью. Из груди ее чуть не вырвалось: "Уходи!". Азимбай жадно и неистово тискал ее, пробормотав одно слово: "женеше". Шолпан бессильно прошептала: "Проказник, подожди. полежи просто так немного". Она хотела раскрыть свою тайну Азимбаю перед тем, как совершиться греху, хотела, чтобы он понял, что толкнуло ее к нему; не прихоть и каприз избалованной бабенки, а тоска по мате-

ринству. Но Азимбай ничего не слушал, разгоряченный близостью молодого тела, он желал поскорее слиться с ним воедино. Но вот в изнеможении оттолкнулся, довольный, усталый, и ему не было дела до переживаний Шолпан, по лицу которой беззвучно текли слезы, орошая и без того мокрую подушку.

Далеко за полночь Азимбай коснулся щекой мокрой подушки и изумленно спросил: “Ты чего плачешь? Не зря тебя называли богомолкой?”. Ничего не понял глупый Азимбай. На рассвете, поцеловав Шолпан, прошептал: “Завтра приду пораньше”, - он выскользнул из юрты. Шолпан хотела было сказать ему: “Не приходи”, да подумала: а вдруг она не забеременеет с первой ночи, и если этого не произойдет, тогда ей вообще нет прощения. И Шолпан, вытирая слезы, еле слышно проговорила: “Приходи. проказник, приходи”.

ГЛАВА IV

Шолпан беременна! Исполнилось ее желание. Теперь грех не может считаться грехом. Когда она почувствовала себя беременной, радости не было предела. Она ожила, шутила и смеялась без умолку. Оставшись наедине с собой, поглаживала живот и целовала ладони, шепча ласковые слова тому живому, что зарождалось в ней.

Безрассудная Шолпан! Почему же теперь, достигнув желаемого, не растает она с Азимбаем? Неужели вероломство и коварство сродни сердцу Шолпан? Нет-нет, Шолпан не может быть такой. Тогда что же заставляет ее теперь изменять мужу? Ничего не может ответить на это Шолпан. Разве поймешь женщину. То она ребенок, беспечно играющий с огнем, то повелевает мужчиной, может вознести его до небес, а если захочет, обратит его в прах; поже-

лает - он будет счастлив в ее объятиях, а нет - терзаться ему всю жизнь. Женщина может стать рабой мужчины, его тенью, может раствориться в нем. Она может зажечь сердце мужчины неутолимимым огнем желаний. Но мужчина всегда должен помнить, что он мужчина, и женщина, особенно если у нее спокойный, тихий характер, может стать его покорной, бессловесной рабой, беспрекословно исполнять его любые прихоти и быть счастливой. Шолпан была именно такой женщиной. Она ошиблась, думая, что может легко порвать с Азимбаем, отдавая ему лишь свое тело. Через три-четыре месяца и душа ее, и помыслы безраздельно принадлежали ему. Она страдала сейчас не меньше, чем в те дни, когда мечтала о ребенке. Завидев Азимбая, она не могла произнести ни слова. Сама не зная почему. Шолпан терпела его грубые ласки, молчала, когда он больно тискал и мял ее упругое тело. А может, дело в том, что он отец ребенка и имеет, как Сарсенбай, ее законный муж, право на нее. Наверное, так оно и есть. Но что же делать со слухами и сплетнями, разносившимися по аулу? Молод и горяч, безрассудно пылок Азимбай. Не обращая ни на кого внимания, может подкрасться и обнять. Бедная Шолпан! Свекровь сказала ей на днях: "Не пойму, почему Азимбай вечно трется возле твоих дверей?". Шолпан не знала, куда деться от стыда. Да и Сарсенбай стал другим в последнее время, молчит, ни о чем не спрашивает, а если и заговорит, то обязательно обругает ее обидными словами, обзовет, а то и камчой замашнется. Почему Сарсенбай так жестоко избил ее вчера? Неужели из-за плошки, которую она нечаянно разбила? Нет. Он знает обо всем и мстит ей. Но отчего он не упрекнет ее, не спросит открыто? Ведь она могла бы объяснить, что пошла на это ради ребенка. Но нет. Молчит. Их уже не связывает любовь. Искверкана жизнь. Да будь все проклято! Проклят неродив-

шийся ребенок, отравивший жизнь. С каждым днем Сарсенбай все больше отдаляется, становится чужим, и ей было больно сознавать это, она мучительно думала, что делать, и не знала.

Все разрешилось само собой, жизнь, как это часто бывает, распорядилась по-своему.

Последние дни сентября. Аул готовится откочевать на зимовье. Прохладная ночь. Свинцовые хмурые тучи плывут по небу, обгоняя друг друга. Землю посеребрили первые заморозки. Под телегами спят молодые телята, просыпаясь от холода, они жалобно мычат, располневшие важные коровы мирно посапывают возле них.

Сарсенбай утром угнал скот в город. В юрте, закутавшись в теплое одеяло, свернулась клубком Шолпан. Рядом с ней, развалясь поперек кровати, разбросав руки, похрапывает Азимбай. Издалека послышался скрип арбы. Шолпан, вздрогнув, проснулась в испуге. “Это, наверное, где-нибудь поблизости трется корова”, - подумала она, еще не проснувшись окончательно. Но нет. Это скрип арбы.

-Азимбай! - затормошила она его. - Азимбай! - Но он, пробормотал что-то невнятное, продолжал храпеть. Тогда Шолпан с силой ушипнула его.

-Ты что, с ума сошла?

-Ой, пропали мы, я слышу скрип арбы, вставай скорее. Уходи. Не дай бог твой дядя приехал.

-Ты что, свихнулась? У него нет крыльев за плечами. чтобы так быстро примчаться.

-Ой-бай, вставай скорее, поднимайся и уходи. Вон, видишь, это он.

Азимбай, соскользнув с кровати, вышел на улицу. Сарсенбай, слезая с телеги, крикнул, заметив его: “Эй, кто это?”. Азимбай, не отзываясь, кинулся прочь в заросли камыша. Сарсенбай, конечно, узнал его.

Не распрягая лошадь, он вошел в юрту, сорвал с плеч поддевку и плеткой стал стегать Шолпан. Глаза его налились кровью, он был вне себя от ярости. Шолпан не подавала признаков жизни, лежала, не шевелясь и не издавая ни звука. Это еще больше разъярило Сарсенбая. - Ах ты, сукина дочь, - и он отбросил в сторону плетку, сорвал одеяло с жены, за руку стащил ее на пол и начал в бешенстве пинать ее ногами. Шолпан молчит, закрывает руками то голову, то грудь. Но вот Сарсенбай, остервенев, пнул ее в живот. Шолпан схватила живот руками и простонала: "Дитя..." Одно этого слова Сарсенбаю было достаточно, он взревел как бешеный: - Сукина дочь, я тебя просил о ребенке? Я тебе говорил, чтобы ты, наблудив, родила мне ребенка? Ты ведь, сука, уже полгода таскаешься со всякими кобелями у меня под носом. Чем так позориться, я тебя лучше убью и успокоюсь. Сдохни, собака, сдохни!

Весь аул давно проснулся от воплей Сарсенбая. Первой, накинув на плечи облезлую дошку, приплелась старая мать Сарсенбая. За ней, набросив на дырявую, сплошь в заплатках и дырах сорочку, мужиницу безрукавку, пришла жена лупоглазого соседа. Они с причитанием вошли в юрту.

-Ой-бай, ты же убьешь человека. Сын мой, где твой рассудок?

-Не вмешивайтесь, это не ваше дело. Сказал, что убью эту собаку, и убью!

Они попытались было удержать его, но Сарсенбай, бледный, как смерть, с глазами, налитыми кровью, продолжал пинать безжизненное тело бедной женщины, отшвырнув заступниц.

Соседка, увидев, что они не справятся с Сарсенбаем, вышла на улицу и заголосила: - Ой-бай, поумирали, что ли все? Скорее сюда! Здесь человека убивают!

Аульчане повыскакивали из своих жилищ, хлябая старыми калошами, кое-как натянув кишемеки, шли женщины, за ними, кашляя, чихая, громко сплевывая, тянулись их мужья. Обув сапожки на босу ногу, двигались молодухи, стесняясь и прячась друг за друга. Степенно, с важным видом, переваливаясь с боку на бок, шли джигиты, стараясь придать своим лицам вид озабоченный и суровый. Пришел и мулла Темир, собравший зекет и започевавший в одной из юрт.

Сарсенбай уже к тому времени бросил избивать несчастную жертву. Шолпан, вся в крови, в изорванном платье, не подавала признаков жизни. Из носа струилась кровь. Сарсенбай безучастно сидел на кровати, в каком-то оцепенении глядя прямо перед собой. Он сам, казалось, был в глубоком обмороке. Народу становилось все больше.

-Этот молодец, видно, совсем свихнулся, - сказал один.

-О боже, по-моему, она умерла, - ужаснулся другой.

-Пусть сдохнет, потаскуха, - процедил третий.

Все стояли в замешательстве, переглядываясь и перешептываясь. Мулла Темир взял Шолпан за кисть, прощупывая пульс.

-Принесите воды, - сказал он наконец.

Принесли воду, побрызгали ей в лицо. Немного погодя Шолпан вздохнула, еле слышно пробормотала "алла".

-Не оскверняй имя Аллаха, сукина дочь, - вскрикнул Сарсенбай.

-Сарсенжан, дорогой мой, успокойся. Нет мужчины, который не бил бы свою жену, но...

-Уважаемый, я прошу вас не вмешиваться. Пусть сдохнет поскорей, собака!

-Сарсенжан, взываю к твоему разуму, убить человека...

-В таком случае она мне больше не жена. Талак, талак, талак, - объявляю ей развод.

-Сарсен, гнев - твой враг, разум - друг, успокойся. Не просто расстаться с человеком, прожившим с тобой в мире и согласии столько лет. Заблудшую овцу можно вернуть к праведной жизни. По шарпату надо раздеть ее и вылить на нее сорок ведер холодной воды.

Не успел мулла проговорить последние слова, как пять-шесть женщины подхватили под руки Шолпан и выволокли из юрты.

Шолпан пришла в себя в темной пустой юрте. Она была раздета донага, ее поддерживали за руки несколько женщин. Вдруг одна из них подняла большое железное ведро и вылила ледяную обжигающую воду на голову Шолпан. Вздрогнула, но ни звука не произнесла бедняжка. В эту секунду вся жизнь ее, как яркий всполох молнии, промелькнула в сознании. Вот она, в новых шолпах, нарочно, чтобы еще раз послушать их звон, разбирает и снова заправляет одеяла... Вот она упрашивает мать отпустить ее на гулянье... Вот первый приезд Сарсенбая... Первая ночь... Вот вымученные слова святого ходжи, брызгающие слюной... Черные шелковистые усы Азимбая...

Бабенка, закусив губу, бормоча что-то про себя, опрокинула на Шолпан второе ведро. Губы Шолпан еле слышно прошептали: "О, алла!"...

-Блудница, зачем тебе Аллах! - прикрикнула на нее одна из соседок.

-Ничего, милая, это все по молодости. Бог даст тебе силы, - проговорила вторая.

Но Шолпан уже не могла ни думать, ни говорить. Вместе с застывшей кровью погасли и последние проблески сознания. Она закрыла глаза.

Третье, четвертое, пятое ведро. Каждый раз, когда на нее обрушивалась ледяная вода, тело несчастной женщины вздрагивало. Через некоторое время оно уже лежало без всякого движения.

Шолпан очнулась к полудню следующего дня и, с трудом открыв глаза, прошептала: - Где мое дитя? Почему он не придет посмотреть? - С этими словами она прижала край одеяла, как будто убаюкивала ребенка. Губы ее произнесли “бай, бай”, и она, потеряв сознание, откинулась на подушки.

К вечеру, вместе с угасающим днем, душа Шолпан покинула эту грешную землю.

Перевела с казахского Р. Кошенова

МАГЖАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СЛОВО О ПОЭТЕ

“Из казахских писателей я, конечно, люблю Абая... После него люблю Магжана. Люблю его европейское естество, его яркость и блеск. Рожденный в старотрадиционном ауле казахских поэтов и достигший дворцов европейской культуры и красоты, он своей необыкновенной привлекательной внешностью и обаянием был похож на прекрасную дочь Золотой Степи. Магжан - поэт огромной культуры. Его поэтическая индивидуальность настолько уникальна, что он перерастает рамки своей эпохи...”

Из числа всех нынешних писателей только слово Магжана устремлено в будущее и достойно останется в памяти грядущих поколений. Я не уверен и очень сомневаюсь в том, что сказанное каждым из нас, кроме него, останется в литературе”.

Мухтар АУЭЗОВ

“Магжан силен чеканностью, образованностью и выразительностью слога. Слова в его стихах подобны жемчужинам, нанизанным на шелковую нить. Стихам его присущи нежность, порою печально-горестная тональность. Подобного поэта, как Магжан, с его теплым, мягким, зефирным звучанием слога, не встретишь среди современных казахских поэтов. Он умеет извлекать чарующие звуки из сердца кобыза”

Жусупбек АЙМАУТОВ

“Абай – поэт ума, а Магжан - поэт поэтов. Магжан как поэт сильнее Абая. Мы должны учиться у Магжана»

Сабит МУКАНОВ

“Магжан Жумабаев имеет для казахского народа такое же значение, какое для англичан - Шекспир, для русских – Пушкин”

Алкей МАРГУЛАН

“Магжан Жумабаев – вершина, возвышающаяся в сердце нашей духовной жизни, ее видит всяк, кто поднимет голову и обрадуется ей. Знать Магжана, почитать его, гордиться им – значит знать, почитать свой народ, свой язык, свою культуру”

Гафу КАИРБЕКОВ

“Муза Магжана гармонична, она глубоко раскрывает жизнь, быт и обычаи казахского народа. Она одновременно наполнена радостью бытия и страданием, юмором и печалью. Вместе с тем муза Магжана была героической, бесстрашной, она звала к лучшей жизни народа”

Какимбек САЛЫКОВ

“Поэзия Магжана Жумабаева... принадлежит человечеству, ибо есть некая особенность настоящей поэзии, настоящих стихов, которая сродни цепной реакции, когда, родившись в одном определенном месте, в одном регионе, в одной стране, эти стихи уже не принадлежат этой местности, они распространяются по странам и континентам, минуя преграды и запреты, чтобы навсегда остаться в сердце своего читателя”

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Магжан ЖУМАБАЕВ

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ

Не море в мире глубоко, а человеческая душа.

Если у человека единый предок, так он же и дитя своей эпохи.

Для того чтобы быть настоящим Человеком, недостаточно любить лишь себя, своих близких, обязательным условием является любовь к человечеству.

Женщина - божество мужчин, она может их создать, влюбить и обжечь.

Детей не нужно воспитывать по подобию и личному примеру воспитателя, а готовить в соответствии с требованиями грядущей эпохи.

Обязанность человека - любить, помимо представителей своего народа, и людей других народов.

Этнопедагогика известна и доступна каждому воспитателю как издавна проторенный путь и метод воспитания... и поэтому воспитание на национальных традициях - обязанность каждого воспитателя.

Если пошел на убыль язык нации - значит она начала вымирать.

В языке нации, как в зеркале, отражаются его земля, история, быт, нравы и характер. В казахском языке отображаются бескрайняя золотая степь, история на-

рода, которая то спокойна, как безветренная ночь, то стремительна, как вихрь, мгновенные перекочевки в степи, неторопливый, несуетный характер номада.

Слова знающего - лекарство.

В нем - великодушие и благосклонность.

Подготовил Сагиндык Салмурзин

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Магжан Бекенович Жумабаев родился 25 июня 1893 года в Полудинской волости Петропавловского уезда Акмолинской губернии (ныне район Магжана Жумабаева Северо-Казахстанской области).

Отец Магжана Бекен занимал пост волостного управителя в Полудине, был человеком прогрессивных взглядов.

Учиться Магжан начал с четырех лет в домашней школе Бекена, созданной для своих детей и родственников. Учителем был высокообразованный, владеющий многими языками Востока молодой человек - Ахмеддин Аханов, башкир по национальности. У Ахмеддина какой-либо учебной программы не было. Он обучал восточным языкам и восточной литературе. Преподавал также арифметику и географию.

С 1905 по 1910 год Магжан учится в медресе (духовной семинарии) г. Петропавловска, где медрессисты учили арабский, персидский, турецкий языки как основные предметы, изучалась история тюркских народов.

Осенью 1910 года приехал в Уфу и поступил в знаменитое в ту пору медресе "Галия", приравненное к высшему духовному учебному заведению. Значительное влияние на духовное становление поэта оказал Галимжан Ибрагимов,

впоследствии известный татарский писатель, преподававший в медресе. По его совету М.Жумабаев переезжает в Омск, чтобы поступить в учительскую семинарию, которую заканчивает с золотой медалью в 1917 году.

В Омске Жумабаев принимал активное участие в создании общества “Бирлик” (“Единство”), был введен в состав областного комитета “Алаш”, но вскоре отказался от участия в этой организации.

Творческий путь Жумабаева начался в 1909 году. Широкое признание принес ему сборник “Шолпан” (Казань, 1912 г.)

В этот период он знакомится с людьми, оказавшими большое влияние на его творчество: Б.Майлиным, С.Сейфуллиным, М.Дулатовым, Г.Потаниным, который после первых встреч с Магжаном предсказал, что юноша в будущем станет вторым Чоканом Валихановым. Предсказание великого ученого сбылось: Магжан Жумабаев впоследствии стал крупным тюркологом, историком, лингвистом, педагогом в духе русской классической школы, автором учебников по казахскому языку и литературе, книги “Педагогика”.

В первой половине 20-х годов М.Жумабаев живет в Ташкенте, где работает в газете “Ак жол”, печатается в местных журналах “Шолпан”, “Сана”. В это время создается знаменитая поэма “Батыр Баян”. Здесь же, в Ташкенте, выходит его второй сборник стихов в 1923 году.

В 1923 году по приглашению наркома просвещения А.В.Луначарского поэт приезжает в Москву и преподает восточные языки в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Принимает активное участие в работе издательства “Восток”, составляет учебники для средних и неполных средних казахских школ, а вечерами учится в Высшем литературно-художественном институте. В Моск-

ве (1923-1926 гг.) Жумабаев много занимается художественным переводом. Им были переведены на казахский язык и изданы “Песня о Буревестнике” М.Горького, “Белый конь” Мамина-Сибиряка, многие рассказы В.С.Иванова, написанные о жизни казахов.

В 1927 году Магжан возвращается в Петропавловск и работает преподавателем педагогического техникума и в совпартшколе.

В 1929 году М.Жумабаева арестовывают и осуждают на 10 лет, инкриминируя ему создание в 1921 году группы “Алка” якобы для подпольной деятельности, хотя группа эта была организована представительством Казахской АССР при Сибревкоме для широкого осведомления населения Сибири о Казахской республике. В 1935 году, находясь в лагере, Магжан написал письмо Максиму Горькому, который помог ему досрочно освободиться из заключения. В 1936 году, вернувшись в Петропавловск, он стал работать преподавателем русского языка и русской литературы в неполной средней школе имени Пушкина, но вскоре “алашординца” увольняют. Он решает ехать в Алма-Ату, поступает там работать в краеведческий музей. Не успел привыкнуть к новой работе – его вновь увольняют. Несмотря на свое положение, душевное состояние, он пишет стихи “Джамбулу”, “Девяносто девять”, “К перу моему”.

30 декабря 1937 года Магжана вновь арестовывают, а уже 19 марта 1938 г. расстрелян как “враг народа”.

8 июля 1960 года Жумабаев был посмертно реабилитирован. Вот что указывается в документе: “Решение комиссии НКВД и прокуратуры от 11 февраля 1938 года в отношении его производством прекратить, поскольку за эти деяния Жумабаев был осужден к 10 годам и наказание отбыл”.

В 1988 году поэт был реабилитирован окончательно.

(Каз. ССР ЦК КП “О творческом наследии Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймаутова”: Заключение комиссии ЦК Компартии Казахстана по изучению творческого наследия Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймаутова//Каз. правла.-1988.-28 декабря.)

Вышли материалы о жизни и творчестве Магжана, первые переводы его стихов на русском языке.

БИБЛИОГРАФИЯ

(Произведения Магжана Жумабаева)

Жумабаев Магжан. **Пророк.** Стихи и поэмы. Пер. с каз. / Составитель, вступ. статья, комментарии Б.Кананьянова. -Алматы: издательский дом "Жибек жолы".-2002.-400 с.

Свеча в ураганной ночи: жизнь и творчество М.Жумабаева/Редактор-составитель, автор вступительного слова и предисловий к разделам – член Союза писателей Казахстана Владимир Шестериков. - Петропавловск: Областной комитет по культуре, 1993.- 72 с.

Жумабаев М. **Стихи.** Буклет.-Алматы: Жазушы, 1993.-28 с.

Жумабаев М. **Восток; Казахский язык; Слово хромого Тимура; Темная ураганная почь; Люблю, Погоняй свою лошадку, Сарсембай.** Стихи/ Пер. с каз. А.Кодарова. вступ. слово об авторе// Алем: Лит.-худож. и обществ.-полит.альманах. Вып. 1.-Алма-Ата, 1991.-С.58-68.

Жумабаев М. **Забудут люди, но помнят потомки...** Стихотворение/Пер. с каз. А.Атабека //Алем: Лит.-худож. и обществ.-полит. альманах. Вып. 1.-Алма-Ата, 1991.-С.19-21.

Жумабаев М. **Люблю; Красное знамя; Зимняя дорога; Весной.** Стихи/ Пер. с каз. А.Жовтиса//Дело №... **Летопись горького времени.** Повести, рассказы, статьи, очерки и стихи. -Алма-Ата, 1989.-С.300-304; Простор.-1989.-№4.-С.161-163.

Жумабаев М. **Абаю.** Стихи / Пер. Л.Халифа//Ленинское знамя.-1993.-24 июня.

Жумабаев М. **Мудрые мысли**//Советы Казахстана.-1993.-6 марта.

Жумабаев М. **Бабочка; Как темна ураганная ночь в золотой степи; Берниязу; Жизнь.** Стихи/Пер.с каз. А.Паршикова//Степной маяк.-1993.-12 августа.

Жумабаев М. **Берниязу; Жизнь.** Стихи/Пер.с каз. А.Парщикова// Ленинская смена.-1990.-15 февраля: Ленинское знамя.-1989.-12 апреля.

Жумабаев М. **Весной; Зимняя дорога; Красное знамя.** Стихи// Казахстанская правда.-1989.- 5 октября.

Жумабаев М. **Грех Шолпан.** Повесть/Пер. с каз. Р. Кошеновой// Учитель Казахстана.-1991.-29 августа; Прос-тор.-1992.-№ 11-12.-С.37-44.

Жумабаев М. **Грех Шолпан.** [Отрывок из последи.гл.повести]// Ленинское знамя.-1993.-12 авг.

Жумабаев М. **Грехопадение Шолпан.** Рассказ/ Пер. Хасенов Е.// Ай.-1995.

Жумабаев М. **Грехопадение Шолпан.** Рассказ/Пер. с каз.Хасенов Е. //Евразия.-2002.-№2.-С.60-74.

Жумабаев М. **Жизнь; Сон; Родная земля.** Стихи/ Звезда Прииртышья.-1993.-28 авг.

Жумабаев М. **Жизнь; Ураганная почь; Бабочка; Берниязу.** Стихи / Пер. с каз. А.Парщикова// Дружба народов.-1988.-№12.-С.161-163.

Жумабаев М. **Зимняя дорога; Красный флаг; Весной.** Стихи// Горизонт.-1989.-14 января.

Жумабаев М. **Казахский язык.** Стихотворение/Пер. с каз. М.Адибаева// Казахстанская правда.- 18.12.1991.

Жумабаев М. **Люблю; Зимняя дорога; Весной.** Стихи / Пер. с каз. А.Жовтиса// Новое поколение.-1996.-19-25 июля.-С.7.

Жумабаев М. **Люблю; Зимняя дорога; Весной.** Стихи / Пер. с каз. А.Жовтиса// Друг читателя.-1991.- 11 июля;

Жумабаев М. **Люблю; Ночь; Слово хромого Тимура.** Стихи// Простор.-1989.-№9.- С.148-151.

Текст на каз. и рус. языках

Жумабаев М. **Люблю; Слово хромого Тимура; Жизнь; Абаю.** Стихи/ Пер. с каз. А.Парщикова, Л.Халифа/ Ленинское знамя.-1993.-24 июня.

Жумабаев М. **Мое желание; Все гуще лес...; Над-**

пись на детском надгробье. Стихи/ Пер с каз. Л. Степановой// Ленинское знамя.-1993.-12 авг.

Жумабаев М. Мое желание; И меня ты убаюкай; Люблю; Эй, Сарсембай; Темная буревая ночь. Стихи/ Пер. с каз. Л. Степановой// Простор.-1992.-№1.-С.2-6.

Жумабаев М. Наурыз. Рассказ/ Пер. с каз. А. Турлыбаевой// Новое поколение.-1993.-31 марта.-С.11.

Жумабаев М. Однажды; Палач; Свобода; Мотылек; Все гуще лес...; Жизнь. Стихи/ Пер. с каз. Л. Степановой// Простор.-1994.-№6.-С.2-6.

Жумабаев М. Птенец взмахнул крылом. Ораза. Волна. Мотылек. [Новые переводы. Стихи разных лет]// Новое поколение.-1994.-29 июля.

Жумабаев М. Соловей; Родная земля; Гульсум. Стихи / Пер. с каз. В. Шестерикова // Ленинское знамя.-1993.-11 мая.

Жумабаев М. Такие простые истины. [Отрывки из учеб. "Педагогика"] /Пер. с каз. Р. Кошеновой// Учитель Казахстана.-1993.-23 декабря.

Жумабаев М. Темная буревая ночь; Луч; Сон; Всюду... Стихи/ Пер. с каз. А. Казанцева// Простор.-1991.-№4.-С.2-3.

Жумабаев М. Тенгри; Я спешу; Казахский язык; Ты – прекрасна. Стихи/ Пер. с каз. А. Ширяева// Простор.-1993.-№6.-С.2-4.

Жумабаев М. Ураганная ночь; Бабочка. Стихи / Пер. с каз. Публ. З. Жумабаевой// Ленинское знамя.-1989.-1 мая.

**Подготовила заведующая информационно-библиографическим отделом областной библиотеки им. С. Муканова
Юлия ПИСКУНОВА**

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ.....	5
ЛЕТЯЩЕЕ ПЛАМЯ. Повесть-поиск.....	7
МАГЖАН НА ЯЗЫКЕ ПУШКИНА. Стихи.....	75
ПРОЗА ПОЭТА.....	101
МАГЖАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.....	121